

**Военные
Приключения**

МАЙОР ИЗ ВАРШАВЫ

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВ

Военные приключения

Николай Дмитриев
Майор из Варшавы

«ВЕЧЕ»

2012

Дмитриев Н. Н.

Майор из Варшавы / Н. Н. Дмитриев — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Военные приключения)

Кресы Восточной оккупированы фашистскими войсками, но столь желанного для захватчиков покоя на этих землях нет. Ведёт борьбу с гитлеровцами польское подполье, возникают в лесах партизанские отряды, поднимают голову недовольные своими хозяевами националисты. У бывшего инженера Длугого, советского разведчика Меланюка, гестаповца Хюртгена, «пана референта» Пилюка, у каждого – свои цели. А «майору из Варшавы» Казимиру Дембицкому приходится бороться не только с совсем уж явными врагами, стремящимися узнать тайну объекта «С-22», но и определяться, с кем он окажется в одном окопе... Новый роман известного мастера отечественной остросюжетной литературы.

© Дмитриев Н. Н., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

От автора	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Николай Дмитриев

Майор из Варшавы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора (вместо предисловия)¹

Строевой конь шёл машистой рысью. К пустому седлу был привязан длинный ремень, и, держась за него, элегантный лыжник уверенно скользил по снегу рядом с дорогой. На развилке мужчина свернул к лесу, но едва он поравнялся с поросшим ельником косогором, как из чащи прогремел выстрел. Почти сразу лыжник завалился набок и упал на обочину, а его конь, волоча за собой ремень, поскакал дальше...

Странное убийство взбудоражило центр «кресового» (окраинного) воеводства. Обыватели поговаривали, что всему виной «любовный треугольник», но на самом деле всё было гораздо сложнее. Убитым оказался офицер, служивший на секретном объекте, и для выяснения истинных причин преступления из Варшавы инкогнито командировали майора военной контрразведки.

Довольно быстро выяснилась причастность к делу украинских националистов, за спиной которых явно проглядывались германские спецслужбы, специально охотившиеся за всеми военными разработками. Поскольку на секретном объекте велись работы по так называемым «живым торпедам», группа майора была срочно усилена, но следствие всё время натывалось на препятствия и заходило в тупик.

Впрочем, поскольку сам объект представлял собой временное строение на берегу водоёма, где собирался гидросамолёт-матка для небольшой подводной лодки, то, взвесив все обстоятельства, майор приказал готовить на одном из глухих озёр новую базу. Но тут началась война, при срочной эвакуации на колонну напали диверсанты, в результате чего ведущий инженер проекта погиб, а сам майор, оставшись один, встретил вошедшую на Кресы Красную армию, не имея никаких сведений о своих людях.

Найдя себе временное пристанище и считая, что он больше никому не нужен, майор выжидал. Однако он ошибся. Не зная, что инженер проекта погиб, немцы и националисты возобновили поиски и выследили майора. Одновременно и НКВД, дознавшись через своих людей, что майор служил в контрразведке, решил его арестовать. Случилось так, что они пришли одновременно, вследствие чего майору удалось бежать.

Впрочем, у националистов была развитая агентурная сеть, и в конце концов майор попал к ним в руки. Однако к тому времени и люди майора отыскивали его. Произошла стычка, и майор снова оказался на свободе. Теперь, оказавшись практически в безвыходном положении, он идёт ва-банк, по своей воле выходя на связь с капитаном Усенко из Особого отдела Красной армии.

Одновременно выясняется, что гидросамолёт, самостоятельно улетевший с объекта, не сумел покинуть Кресы и вынужденно приземлился на той самой базе, к оборудованию которой приступили перед началом войны. К тому же, пока майор спасался от преследователей, на той же базе собрались все, кто уцелел после сентябрьского нападения на колонну, и там возник польский отряд.

Тем временем немцы через свою агентуру сумели выяснить, что оборудование базы и инженер проекта не смогли покинуть крессы всходни, а наспех приготовленный к вылету гидросамолёт совершил вынужденную посадку где-то в лесу. Больше того, им стало известно, что и Советы, прознав кое-что, тоже пытались вести розыск, но ничего не нашли.

22 июня 1941 года немецкие войска перешли границу. На Кресах Выходных началось грандиозное приграничное сражение, исход которого был далеко не ясен. Вдобавок к противостоянию двух главных противников стали явными стремления националистов, провоз-

¹ Более подробно эти события изложены в книге Н. Дмитриева «Тайна объекта "С-22"». М.: «Вече», 2011.

гласивших во Львове незалежность Украины, после чего противостояние ранее возникших националистических группировок мельниковцев и бандеровцев переросло в нешуточную междоусобицу.

Снова встал вопрос о принадлежности территорий, который мог быть разрешён только силой оружия. Что же касается собственно поляков, то и в их среде наметился раскол. Восток или Запад, Россия или Англия, а проще говоря, кто же теперь главный союзник? И на фоне этих событий, в очередной раз оказавшись между двух огней, «майор из Варшавы» должен сделать свой выбор...

Часть 1

Круговерть

Муравей был упрям. Неизвестно какая сила гнала его вверх по стволу, но сколько бы пан Казимир ни преграждал ему дорогу, он все равно пытался пробраться наверх. Даже когда майор, изловчившись, поддел его на листик и перенес к самым корням, упрямец все также целеустремленно продолжал карабкаться по стволу.

Настойчивость муравья так понравилась майору, что он, продолжая прогулку, даже замурлыкал себе под нос мотив «Русского танго». Остановившись на берегу озера, пан Казимир долго смотрел на воду, а потом, взяв палку, зачем-то нарисовал на песке свастику, рядом с ней звезду, соединил их чертой и, перечеркнув весь рисунок большим знаком вопроса, швырнул палку в сторону.

Этот считанный десяток минут, именовавшийся прогулкой, майор тратил на себя, а все остальное время уходило в бесконечных хлопотах. В лесу, у болота и на полузатонувшей гати, установили цепочку круглосуточных постов. Куски самолета благополучно затащили в лес и сейчас методично пересматривали, тщательно отбирая все представлявшее интерес.

По возвращении в лагерь дежурный подофицер встретил пана Казимира докладом:

– Пан майор! На базе вшистка в пожонтку, поручник Вукс в дальней разведке.

– Добже. Да, как только поручик Вукс вернется, сразу ко мне. А сейчас вызовите Мышлаевского.

– Слушаюсь!

Подофицер бросил два пальца к конфедератке, и пан Казимир пошел к бункеру. Обогнув склон, майор оказался перед узким, уходящим вниз ходом. Сбежав по земляным ступенькам, пан Казимир открыл дверь, прошел к столу и, повернув рычажок выключателя, зажег автомобильную лампочку.

Электрический свет вспыхнул, заставив маслянисто отсвечивать клепаный борт стоявшей посередине бункера лодки. Майор сел на скамейку и, положив подбородок на сцепленные пальцы, задумался. Он понимал: то, с чем возвратился Мышлаевский, сейчас главное.

Нынче ночью, втайне от других, поручик, приторочив рацию к двум выюкам, ушел поближе к местечку и там вышел в эфир. Конечно, радиосвязь можно было установить и из лагеря, но пан Казимир решил не рисковать.

Мягкий звук шагов заставил пана Казимира поднять голову и сразу в резко высветившемся прямоугольнике двери возник Мышлаевский.

– Пан майор, разрешите...

Дверь закрылась, яркий прямоугольник исчез, и теперь, уже в свете лампочки, пан Казимир мог разглядеть поручика. За последнее время Мышлаевский сдал. Былая дородность исчезла и только «старопольские» усы остались прежними.

– Присаживайтесь, поручик... Как связь?

– Удачная, пан майор. – Мышлаевский осторожно, стараясь не сломать хлипкое сооружение, подсел к столу. – Я передал все о наших условиях. Но есть новости. Из Лондона сообщают: по их сведениям группа польских офицеров обратилась к правительству СССР с предложением о сотрудничестве. А главное, в связи с изменением обстановки генерал Сикорский намерен начать переговоры с Кремлем.

– Так... И что же пан поручик об этом думает?

– Мне кажется, это правильно...

Мышлаевский хотел еще что-то сказать, но долетевший снаружи шум заставил его обернуться. У входа слышались веселые голоса, и в дверь ввалился широко улыбающийся поручик Вукс.

– Владек, наконец-то! – пан Казимир бросился ему навстречу.

Вошедшие вместе с Вуксом офицеры переглянулись, и инженер-капитан, деликатно кашлянув, шагнул вперед.

– Разрешите присутствовать, пан майор?

– Да, да, конечно! Все идите сюда.

Торопливо вытащив карту, майор расстелил ее на столе.

– Рассказывай, Владек...

Некоторое время поручик молча рассматривал лист десятиверстки и, собравшись с мыслями, начал:

– Из того, что я узнал, складывается впечатление, что немцы рвутся вдоль Брест-Литовского шоссе. Думаю, продвинулись километров на двести. Русские лесными дорогами отходят. Мы пока что в нейтральной зоне. Вряд ли в нашу глухомань пошлют войска. Вот у железной дороги бои и бомбежки страшные.

– Русские решили отходить? – быстро спросил майор.

– Не похоже... – Вукс наклонился над картой. – Бои жестокие. Под Холопичами горелые танки километров на сорок разбросаны, сам видел.

У второго пилота, пораженного таким необычным счетом боевых машин, вырвалось:

– Так сколько же у русских танков?

– В 39-м они нам предлагали 10 тысяч. – Подчеркнуто сухо ответил пан Казимир и повернулся к Вуксу. – Продолжайте, поручик...

– Это под Холопичами горелые, – повторил Вукс, и его палец скользнул к самому обрезу карты. – А тут картина другая. Имею сведения: отсюда, с юга, русские наносят мощный контрудар силами своих бронетанковых частей и имеют успех. Под Вербой вообще они одну или две немецкие танковые дивизии разнесли в дым. И еще о русской технике. С юга наступают совсем другие танки. Новые. Сильнейшее вооружение и броня, которую немецкие пушки не берут.

– Это точно, Владек? – сейчас даже пан Казимир удивился.

– Совершенно точно, пан майор. Наш человек слышал разговор немецких офицеров.

Ни слова не говоря, майор показал по карте направление немецкого наступления, потом русского контрудара, явственно перерезавшего вторгнувшийся через границу клин и, подняв голову, поочередно посмотрел на сгрудившихся вокруг офицеров.

– Ну, так каково ваше мнение?

Все молча рассматривали карту, и только поручик Мышлаевский спросил:

– И что? Так и будем ждать?

Вопрос Мышлаевского заставил пана Казимира вскинуть голову.

– Нет, не будем! Мы можем запросить Лондон и на гидросамолете вывезти, что удастся. А можем... – Пан Казимир многозначительно помолчал. – Связаться с Москвой.

Офицеры недоуменно переглянулись, и только один Мышлаевский, знавший почему пан Казимир заговорил о Москве, остался невозмутимо спокойным.

– Да, да, с Москвой... – подтвердил пан Казимир. – Располагаю сведениями, что Лондонское правительство намерено вступить в переговоры с русскими на предмет военного соглашения.

Выждав эффектную паузу, пан Казимир распорядился:

– Поручику Вуксу отдыхать. Поручику Рыбчинскому выйти на ближайшую магистраль, где могут быть русские и установить с ними связь. Нас пока представить только как польский отряд, желающий бороться с немцами. Смею надеяться, с такими предложениями к русскому

командованию уже обращались, – добавил пан Казимир и ладонью, словно стараясь упрятать, закрыл на карте район базы...

* * *

После июньской выброски Петро, к своему удивлению, был отправлен в распоряжение Лянддинста, или сельской полиции, формировавшейся в целях охраны имущества совхозов и прочего сельскохозяйственного добра.

Управление этого самого Лянддинста было почти на окраине, так что Петру пришлось топтать через весь город к старым царским казармам. Здесь на плацу человек тридцать «хлопцев» в пошитой на австрийский манер форме и касках, с нарисованным «жовто-блакитным» щитом, били сапогами по утрамбованной годами земле и самозабвенно горланили:

Нам поможе Святый Боже
и Пречиста Маты! Га!!
Нумо, хлопци, вси до зброи,
двичи не вмираты!..

Под дружное гаканье старательно вышагивавших «хлопцев» Петро спокойно миновал плац и, сориентировавшись, направился к маленькому флигелю, в котором, судя по желтой кирпичной дорожке и часовому у входа, должно было размещаться управление.

Петро не ошибся. Здесь еще только размещались, и захлопотанный дежурный, просто махнув рукой, показал комнату, куда следовало идти. Меланюк приоткрыл дверь и, увидев стоявшего к нему спиной человека в «цивильной» рубашке, недоуменно начал:

– Я перепрошую... – но как только хозяин кабинета повернул к нему голову, Петро радостно вскрикнул: – Пане инженер! Пане Длугий, доброго дня, то ж я, Меланюк...

– Вижу что Меланюк.

Длугий потянул к себе висевший на спинке стула мундир. Едва разглядев крученые погоны, Петро вытянулся и гаркнул:

– Герр гауптман! Прибув за призначенням! До Лянддинста!

– Ага, будешь теперь сельхоздобро охранять...

Длугий усмехнулся, надел мундир, взял лежавшую с края стола папку и сел. Небрежно полистав бумаги, он откинулся на спинку стула.

– Вообще-то тобой довольны, пан Меланюк, – Длугий хитро прищурился – Чи може герр Меланюк, а?

– Шуткуете, герр гауптман... Мене, якщо називати, треба «г» на «х» змінювати...

Длугий совсем завалился на спину и громко захохотал:

– Молодец! Знать свое место в нашем деле – большой плюс. – Длугий резко оборвал смех. – Интересуюсь, как ты свое будущее представляешь?

Петро никак не мог понять, чего от него хочет Длугий, и подобрался.

– Це що ви маєте... На зараз?

– На потом. Как через пару месяцев большевиков расколотим.

– А чого ж тут думати? – Петро хитро прищурился. – Як ви, наприклад, пане гауптман, будете у маєтку, то я б хотел хуторочек, од вас деь неподалик...

– Хуторок-то небось с трактором? – улыбнулся Длугий.

– Та навищо? Мени б коней! Дви запряжки...

– А то и три! – Длугий коротко хохотнул, и его настроение неумовимо сменилось. – Ну а до своих, украинских панив, ты как?

– До яких? – Меланюк нутром почуял опасность вопроса.

– А до тех, что друг другу «пиф-паф» делают?

– А до тих, я перепрошую, я видношення не маю...

От плохо скрытого внутреннего волнения на лице Меланюка выкатились желваки.

– При чем тут отношение! – неожиданно рассердился Длугий. – Меня интересует, чья работа? У вас об этом что говорят?

– Я перепрошую... – на всякий случай Петро еще потянул время. – Герр гауптман спрашивают про Лемика?

– Наконец-то дошло! – Стул Длугого, качавшийся на ножках, с треском хлопнулся на место. – Ну?..

Петро подавил едва не вырвавшийся вздох облегчения и начал:

– Я на це зважую, що то робота красных симпатыкив...

– Почему?

– Так звисно ж чому... Наши хлопцы всих тих бильшовикив, що залишилися, того... – Петро как топором подрубил воздух ладонью. – Мы их, ясное дело, знали, але й вони нас теж. От може, хтось прослидкував та й решил помстытыся...

Петро замолчал и преданно посмотрел на Длугого. Он понимал, что говорит убедительно, и не поверить ему можно только зная больше.

– Так, так, так... – Длугий застучал пальцами по столу. – Таки «маєшь рацію, маєшь»... Ладно. А как до «самостийной», отношение?

Петро помолчал, собираясь с мыслями.

– До самостийной Украины? – Петро преданно посмотрел на Длугого. – Як на мене, то вважаю що спочатку войну треба кинчyty...

– Ну что, скажу – молодец! Я в тебе не ошибся. – Длугий хлопнул ладонью по папке. – Я тебя сюда вызвал, и будешь работать у меня. Ну и про панов-самостийников рассказывать тоже. Понял?

– Так точно, понял... – Петро немного замялся. – Выходить, тепер я тильки вам подчиненный?

– Не только. Управлению ландвирта тоже.

– Я перепрошую... – Петро показал на окно, за которым все еще маршировали «завзяти хлопцы». – А мени теж прийдесть пылюку сапогами толочь?

– Ишь, мужик, мужик, а хитрый! – Длугий довольно осклабился. – Не бойся. В гмину² поедешь, сам себе хозяин будешь. У меня пока только одна просьба есть... Личная. Вот посмотри...

Длугий нагнулся и, вытащив откуда-то снизу лист бумаги, протянул Петру. Личная просьба означала высшую форму доверия, и Меланюк с готовностью сорвался с места. К вящему удивлению Петра на листе вместо текста оказался довольно подробный рисунок не совсем обычного самолета.

– Да ты не торопись... – Длугий уже оценил рвение Меланюка. – Как поедешь в гмину, осторожно выясни, не падал ли в лес или какое озеро такой самолет.

– А колы приблызно? – осторожно поинтересовался Петро.

– Да давненько... – По лицу Длугого пробежала какая-то тень. – В сентябре 39-го. Точнее, в самой середине.

– В сентябре? – Петро не смог скрыть удивления. – Так його ж, мабуть, ще при Советах знайшли...

– Советам-то обломки на что? А мне лишь бы место... Понял?

– Звисно що зрозумив! Зроблю все що можна...

Петро энергично кивнул и начал осторожно, со всем тщанием, складывать лист.

² Гмина – наименьшая административная единица Польши.

* * *

Темно-красные фасонные вожжи резко натянулись, и пароконный экипаж, едва перевалив пригорок, остановился. Его плетеный ивовый кузов был явно сработан еще в прошлом веке, облучок заменяло роскошное сиденье, а в задке, битком набитом свежей соломой, плотно угнезвился добротный кожаный чемодан.

Да и сам возница, он же, по всей видимости, и хозяин, выглядел весьма своеобразно. Сейчас он, одетый в дорожный пыльник, привстав на сидении, из-под полей своего старомодного «борсалино» напряженно всматривался в опушку леса. Его седая, холеная бородка медленно поворачивалась, отчего стекла пенсне, золотой дужкой оседлавшего породистый нос, хищно посверкивали.

Причин для беспокойства было достаточно. Где-то за лесом слышалась вялая перестрелка, а с самой опушки несло чадным бензиновым дымом. Впрочем, человек в пенсне не испугался, а опустившись на сиденье, встряхнул вожжами и медленно покатиł дальше.

Картина, открывшаяся глазу за первым же поворотом, заставила путника удивленно присвистнуть. Война давно откатилась на восток, а здесь кусты опушки были заеложены следами гусениц, от свежих воронок кисло несло тротилом, в кювете, завалившись набок, еще догорал подбитый немецкий танк.

Владелец тарантаса подъехал поближе к зарослям и, вытянув шею, начал прислушиваться. Внезапно ему показалось, что он слышит стон, и человек в пенсне начал вслушиваться еще внимательнее. Потом он примотал вожжи к сиденью, вылез из тарантаса и, прячась за кустами, начал осторожно углубляться в заросли.

Отыскав следы недавнего боя, человек в пенсне сначала замедлил шаг, потом остановился вовсе и прислушался. Картина, в общем-то, была ясной. Судя по всему, какое-то подразделение русских, оставшееся в окружении, пыталось вырваться за дорогу, но перехваченное танковым заслоном, отошло в лес.

Вдруг человек в пенсне резко повернулся. Сбоку, из небольшой водомоины, чуть прикрытой почерневшим от времени хворостом, донесся негромкий, протяжный стон. Человек в пенсне пригнулся и крадучись начал обходить яму. Подойдя ближе, он прятаться перестал.

На мокром, глинистом скате, широко раскинув ноги в стоптанных хромовых сапогах, ничком лежал человек. Зажатый в кулаке наган все еще был направлен к опушке, и на рукаве гимнастерки ярко алела неспоротая комиссарская звезда.

Комиссар дернулся, попробовал ползти, но вместо этого со стоном сполз по скату еще ниже. Секунду человек в пенсне колебался, потом осторожно спустился в водомоину и, перевернув раненого на спину, вытащил из нагрудного кармана документы.

Раскрыв удостоверение личности, человек в пенсне мельком пробежал строчки и замер, рассматривая фотографию. Так продолжалось секунд пятнадцать. Потом, странно передернув плечами, он захлопнул удостоверение и стал напряженно всматриваться в заросшее многодневной щетиной лицо раненого.

Наконец в глазах человека в пенсне мелькнуло что-то похожее на испуг, он выпрямился и тихо, но отчетливо произнес:

– Неисповедимы пути твои, Господи...

Правая рука у него, сложенная как для крестного знамения, поползла вверх, но остановившись на полдороге, нервно затеребила отворот пыльника.

Раненый опять шевельнулся, начал беспомощно ерзать по сырому откосу, и тут человек в пенсне решил. Он обстоятельно запрягал документы подальше, нагнулся и, подхватив комиссара подмышки, вытащил его из водомоины. Выроненный раненым пистолет зацепился

тренчиком за хворостину, и, чертыхнувшись, человек в пенсне сунул оружие назад в кобуру. Потом перехватил комиссара поудобнее и прямым поволоком на дорогу.

Подтащив раненого к тарантасу, человек в пенсне сдвинул чемодан в сторону и на освободившееся в задке место положил комиссара. Услыхав запах крови, кони испуганно захрюкали и сами сдвинули тарантас с места, так что на свое сиденье человек в пенсне запрыгнул уже на ходу.

Тем временем стихнувшая было перестрелка вспыхнула с новой силой и определенно начала приближаться. Поняв, что лесной бой еще далеко не кончился, человек в пенсне бешено завертел вожжами и погнал лошадей вскачь, уходя подальше от опасного места...

Колеса отчаянно прыгали по ухабам, тарантас мотало из стороны в сторону, кони, выгнув шеи, стлались по дороге, а человек в пенсне по-ямщицки привстав с сиденья, не переставая ухарски гикал и вертел в воздухе концами вожжей.

Только прогнав так версты четыре, он наконец перевел упряжку на рысь. Здесь уже не было слышно стрельбы, летний зной, казалось, висел в воздухе, и человек в пенсне, бросив обеспокоенный взгляд на распластавшегося в задке комиссара, принялся торопливо оглядываться по сторонам. Высмотрев ярко-зеленую луговину, он тут же свернул с большака на едва заметную полевку.

Человек в пенсне не ошибся. Примерно через километр еле видная колея вывела к узкой безымянной речушке. На маленькой, вполне укромной полянке, тарантас остановился. Лошади тяжело водили боками, и первым делом возница наскоро их обиходил. Потом бросил потник на траву и вытащил раненого из тарантаса.

Стянув с него обмундирование и торопливо обшарив карманы, человек в пенсне свернул все в тючок и затолкал поглубже под солому. Оттуда же достал потрепанную мужицкую одежду и только после этого занялся раной.

Теперь в его движениях пропала судорожная поспешность, и он старательно взялся обмывать залитый кровью бок. Особой сноровки человек в пенсне не проявил, но с первичной обработкой раны справился. Туго перепеленав рваную осколочную рану, человек в пенсне намочил холстинку, сделал холодный компресс и, сев рядом с раненым на траву, задумался...

* * *

Перед глазами Малевича мелко-мелко дрожала ветка с круглыми зелеными листьями, и он никак не мог взять в толк, откуда она взялась. Он то полностью осознавал свое существование, то в голове вдруг мутнело, и все опять куда-то проваливалось. Похоже, сознание возвращалось к нему с трудом, и Малевич, как бы по частям собирал самого себя.

Через некоторое время стало чуть легче, хрипло дышавший Малевич застонал, медленно открыл глаза и, посмотрев вокруг, попробовал приподняться. Человек в пенсне улыбнулся, провел себе по лицу ладонью и негромко сказал:

– Ну что, батальонный комиссар Малевич, со свиданием?..

Малевич, с трудом осмысливая происходящее, взгляделся в лицо человека в пенсне и вдруг, испуганно прикрыв глаза, забормотал:

– Не может быть! Это бред, бред...

Человек в пенсне вновь усмехнулся.

– Что, унтер-офицер Малевич, признал?.. Вижу, признал. Да это я, твой бывший командир полка подполковник Лечицкий, собственной персоной, а ты мой полковой разведчик. Ну, вспоминай, вспоминай...

– Не может быть... Не может! Это бред! – Малевич вскинулся. – Я же сам приказал вас расстрелять, еще тогда, в восемнадцатом...

– Ах, вот ты чего перепугался! – весело рассмеялся Лечицкий. – Не бойся, унтер, я не с того света... Пока что мы оба с тобой на этом. Видишь ли, то ли пистолет был дрянью, то ли рука у солдата дрогнула. Оно, знаешь, в человека в упор стрелять тоже сноровка нужна... В общем, живой я остался, а отметина – она есть. Осталась...

Лечицкий сбросил шляпу и провел вверх ладонью, отводя волосы назад. Посередине лба, у самого края зачеса, был виден маленький, не больше желудя, шрам, как будто кто-то прижал лоб пальцем, оставив на черепе мягкий вдавленный след...

Теперь Малевич окончательно пришел в себя и, внезапно осознав, что будет дальше, долго и мучительно застонал. Скорей всего, Лечицкий понял его состояние, потому что, посмотрев на раненого изучающим взглядом, медленно, со значением, произнес:

– Думаешь, счеты с тобой сводить буду? Напрасно... Объяснять долго, да и недосуг. Ты лучше вот...

Лечицкий засуетился, вытащил плоскую бутылочку с коньяком и, наполнив крышку-станчик, наклонился к Малевичу.

– На-ка, выпей...

Коньяк подействовал хорошо, и Малевич опять попробовал приподняться.

– Лежи, лежи! – Лечицкий замахал руками и вдруг улыбнулся. – А помнишь, как я угощал тебя коньком за разведку на Липе?

– Помню... – еле слышно прошептал Малевич.

– Ах, липа вековая, липа золотая...

Слегка переиначенный старинный романс прозвучал у старика Лечицкого неожиданно молодо, но он тут же оборвал пение и посерьезнел:

– Слушай, Малевич, нам все-таки в околоток надо бы, ты у меня сейчас под мужика переодетый, и от тебя сейчас одно нужно: помалкивать. А если что, ты мой кучер, понял?

Не дожидаясь ответа, Лечицкий засобирався, втянул Малевича назад в тарантас и оглядев напоследок бивачную стоянку, рысью пустил отдохнувшую упряжку на большак...

На въезде в поселок их остановил патруль фельджандармерии. Старший, украшенный нагрудной бляхой унтер, жестом приказал остановиться, и полицей-переводчик, явно подлаживаясь под немца, громко выкрикнул:

– Кто? Куда?

– В околоток, к доктору... – Лечицкий спокойно подтянул вожжи. – Два часа назад какие-то бандиты ранили моего кучера.

– Кто есть бандитен? – насторожился фельджандарм.

– Не знаю... – Лечицкий пожал плечами. – Там в лесу была перестрелка. Похоже, какие-то солдаты. Скорее всего, русские.

– О зольдатен! Я, я...

Старший кивнул кому-то из своих, и раскормленный, пустоглазый фельджандарм с такой же металлической бляхой под подбородком бесцеремонно ухватился за лежащий в тарантасе чемодан.

Секунду Лечицкий невозмутимо наблюдал, как наглый немец тащит чемодан к себе. Потом спокойно поднял ногу и пинком вернул чемодан на место. Не ожидавший ничего подобного фельджандарм опешил и почти машинально рывкнул:

– Документен!..

С усмешечкой Лечицкий извлек из недр тарантаса роскошный портфель. Достал оттуда глянцеви́тый «бреве»³ и протянул его старшему патрулю.

С минуту немец ползал взглядом по строчкам невиданной бумаги. Роскошный лист с имперским орлом в заголовке и впечатляющей росписью самого «уполномоченного восточного

³ Бреве – письменное удостоверение (франц.).

пространства» герра Альфреда Розенберга внизу, вкупе с полным пренебрежением к его фельджандармской личности, произвели на унтера неизгладимое впечатление. Он разом вспотел и глупо пробормотал:

– Герр барон... – а дальше понес околесицу из пунктов «бреве», вкупе с унтерскими мыслями о несоответствии такой личности и отсутствия авто при наличии дурацкого тарантаса.

Лечицкому надоел глупый лепет унтера, он вытащил из рук жандарма свой великолепный «бреве» и неожиданно рявкнул:

– Ферфлюхтен!.. Я есть барон Грецингер-младший, болван!

Никак не ожидавший такого афронта немец вздрогнул и остоленело вытянулся. Фасонные вожжи слегка хлопнули по лошадиным крупам и, окинув уничтожающим взглядом почти-точно посторонившийся патруль, новоявленный герр Грецингер не спеша въехал в поселок...

* * *

Сводка была малоутешительной. Немецкое наступление не прекращалось. Майор взял себе за правило ежедневно слушать Лондонское, Берлинское и Московское радио. Сопоставляя полученные сведения, он довольно точно ориентировался в обстановке.

Охватив голову руками, пан Казимир сидел за столом, тупо глядя на подмигивающий глазок включенной на прием рации. В дверь постучали, на пороге появился инженер-капитан, и майор, подняв голову, молча показал ему на место против себя. Инженер сел, подождал, кинул взгляд в угол, где стояла рация и, не удержавшись, спросил:

– Пан майор... Как?

– Хуже некуда...

– Так что... – инженер помолчал. – Будем решать?

– Наверное... Скажите, капитан... – Пан Казимир замялся. – Что надо предпринять в первую очередь?

– Я думал над этим...

Инженер достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и положил на стол.

– Здесь перечень всего, что интересует Лондон, из того, что мы практически можем забрать с собой.

– Так... – Пан Казимир накрыл ладонью листок. – Ну а если все-таки русские?

– Как? – Инженер усмехнулся. – Рыбчинский вернулся ни с чем, а что касается ожидавшегося русского контрнаступления, то...

– Ясно... – Пан Казимир глухо кашлянул. – Думаю, шифровку надо отправлять сегодня же...

Договорить майор не успел. Снаружи послышался встревоженный выкрик, дверь с треском распахнулась, и в бункер влетел поручик Вукс.

– Пан майор, часовые задержали неизвестного!

– Где? – пан Казимир вскочил.

– У ближнего поста.

– А ну за мной! – и пан Казимир, бывший с момента появления Вукса в состоянии взведенной пружины, первым выбежал из бункера.

Трава раздражающе цеплялась за носки сапог, и майор, выругавшись, с бега перешел на шаг. Вряд ли выигранные минута или полторы могли что-нибудь изменить. Сейчас пан Казимир не сомневался: пока они с инженером выбирали приемлемый вариант, в действие вступил третий и, пожалуй, решающий фактор.

Задержанный, обычный сельский мужик с головы до ног вываленный в грязи, сидел на какой-то коряге и тупо смотрел перед собой. Когда пан Казимир в сопровождении офицеров, чертыхаясь, выбрался из кустарника, он даже не прореагировал на их появление.

Поручик Мышлаевский, стоя чуть в стороне, нервно покусывал травинку, и первым делом пан Казимир обратился к нему.

– Ну что тут у вас произошло?

Мышлаевский отшвырнул обкусанный стебелек и доложил, заменяя чин пана Казимира короткой паузой.

– Извините... Мои люди недоглядели. Я учту...

Сейчас пану Казимиру было не до церемоний.

– Где Рыбчинский? – прервал он Мышлаевского.

– Должен подойти... Я послал за ним.

– Добро! – пан Казимир кивнул и обратился к солдатам: – Этого как задержали?

– К лагерю подбирался. А мы сменялись как раз. Ну и сцапали.

– Он что, такой мокрый и был, или это вы его?..

– Такой и был. Видно, посты болотом обойти хотел.

Пан Казимир жестом приказал Вуксу подойти ближе и, шагнув к задержанному, негромко спросил:

– Говори, зачем в лес приперся?

– По дрова... – тупо отозвался мужик.

– Ты что, в болоте дрова искал?

– А шо, не можна?

В ту же секунду Вукс, стоявший сзади, вплепил мужику оглушительную затрещину. От удара тот кубарем покатился с коряги и испуганно вытаращился на поручика.

– Будешь говорить, пся крев? – лениво спросил Вукс.

– А шо казати?.. – неожиданно плаксиво заныл мужик. – А шо казати? Сами посылають, й сами ж бьють...

Пан Казимир предостерегающе поднял руку и жестом показал своим людям, что мужик не догадывается, кто они. Скорее всего, оружие и разномастная одежда сбили задержанного с толку – их можно было принять за кого угодно.

В этот момент из кустов выскочил запыхавшийся Рыбчинский. Поручик, как отвечающий за зону, должен был знать местных, и пан Казимир обратился к нему:

– Наш? – майор ткнул пальцем в задержанного.

– Вроде... – Рыбчинский присмотрелся повнимательнее и спросил уже прямо у мужика: – То твой хутор за лесом?

– Ну мий, а шо? – уже охотнее протянул мужик, не переставая косить глазом на пана Казимира и Вукса.

– Значит, ясно... – Вукс демонстративно достал пистолет.

– Минутку... – остановил поручика пан Казимир и обратился к Рыбчинскому: – Хутор у него большой?

– Большой, – кивнул Рыбчинский. – Лошади, коровы, свиньи...

– Спалить все!

Мужик враз свалился с коряги и на четвереньках пополз к майору.

– Не палить! Прощу, не палить!..

Майор спокойно ждал, пока пленник не подползет ближе. Его ход удался, и теперь с мужиком можно было говорить «по душам»...

– Ну, так зачем в лес приперся?

– Так я ж кажу, що ви ж сами посылали!

– Это кто же мы? Я вроде тебя никуда не посылал, – пан Казимир позволил себе короткую, строго отмеренную усмешку.

– Ой, боженьки ж!.. – мужик привстал на колени и, как петух, захлопал себя по ляжкам. – Так я ж не кажу що то саме ви!.. Вы, то е полиция. А мени казав з того... Як його, як... О,

з «ляндинсты»!.. Як же його?.. О, згадав! То самі пане Меланюк казав мени щоб я до лясу шукаты йшов!

– Искать? Что? – сразу насторожился пан Казимир.

– Та, дурныци!.. Тут десь за рик тому литак впав, от пане Меланюк и наказав мени уламки шукаты...

Офицеры молча переглянулись, и сердце у пана Казимира ухнуло. Его самые худшие опасения подтверждались. С этого момента счет времени пошел на часы. И от того, когда ждет с докладом своего перемазанного грязью соглядатая неизвестный «пан Меланюк», зависело, что даст телеграмма в Лондон, если Мышлаевский отправит ее немедленно...

* * *

Над полуобвалившимися зубцами крепостных стен неслись низкие рваные облака. Сырость, нагнанная ветром с недалеких болот, висела в воздухе, и летний день казался по-осеннему холодным. Во всяком случае, Меланюк, вызвавшийся сопровождать «Кобзу», время от времени ежился даже в своем теплом френче.

Здесь, в замке, немцы устроили лагерь для военнопленных, и сейчас Пилук, «референт проводу в делах идеологических», с разрешения германских властей выступал перед солдатами, стремясь склонить их в сторону «национальной идеи».

Строй пленных в изодранном обмундировании, с мелькавшими здесь и там повязками, повторял изломанный треугольник замкового двора, оставляя свободным только плотно утоптанную середину и широкий проход к воротной башне. Изможденные лица лагерников были сосредоточенно-угрюмы и, чем громче Пилук выкрикивал свои лозунги, тем ниже опускались головы.

Посреди плаца, отдельной обособленной группой стояли чины лагерной администрации и несколько сопровождавших «Кобзу» националистов. Меланюк пристроился сбоку, как раз за спиной «дольметчера» – переводчика из эмигрантов, с дотошной педантичностью растолковывавшего немцу-коменданту каждое слово оратора.

Сам Пилук, выйдя шагов на пять вперед, самозабвенно выкрикивал:

– Шановни добродии, мы будуюмо Вильну Украину без колгоспив и контингентив, без всияких там бильшовицьких вытивок! Мы, националисты, едина сила яка на даний час спроможна виконати вси ци обицянки, щоб наш многотраждальний народ нарешти став багатим та щасливим. Приеднуйтеся до нас!

На краю строя пленные заволновались, и Пилук, вытянув шею, как встревоженный гусь, ораторским жестом протянул туда растопыренную пятерню.

– Ось тут мене зрозумили! И скажить, чи я не казав вам правду?..

После короткого замешательства из строя вышел худой, оборванный пленный и звонко, на высокой ноте, спросил:

– А можно ли задать господину выступающему вопрос?

Пилук с готовностью закивал, и пленный продолжил:

– Вот вы там раньше от черных российских изб к белым хатам над ставком кликали... Это все очень правильно. И избы из бревен у нас черные, и мы – некультурные да грязные. Только где ж нам мыться, когда возле ваших белых хаток бань нет? Так что, нам уж лучше здесь, с господами немцами, поскольку у них везде чистота и «культуриш»...

Пленный быстро отступил назад. Строй сомкнулся и тут же взорвался возмущенными выкриками, слившимися в общий гул, на котором особо выделился возмущенный юношеский голос:

– Сам – грязная скотина!!!

Охрана, стремясь навести порядок, закричала свое. Остервенело залаяли собаки и, казалось, вот-вот начнется стрельба.

– Вас?.. Вас?.. – задержал головой комендант, торопя переводчика.

Перевод прозвучал ровно, без эмоций. Меланюк, за последнее время поднаторевший в немецком, удивленно прислушался.

– ...Пленные возмущены словами оратора. Оратор сказал, что они неряхи и грязнули. Пленные кричат, что он ничем не лучше их. Пленные признают величие немецкой культуры и хотят иметь дело только с представителями великой германской нации...

В строю действительно кричали нечто подобное, но второй смысл выкриков, отдельные из которых были понятны и немцам, совершенно исчез при переводе и комендант удовлетворенно кивнул.

– Гут, гут! – он понял, что пленные так не утихомируются, и жестом приказал убрать Пилюка.

Неудавшегося пропагандиста, Меланюка и всех других «достойников» весьма бесцеремонно спровадили с плаца и почти сразу выставили за ворота лагеря. Сначала они дружно ругали «сбильшовизованную мужву», а потом, несолоно хлебавши, через полуразрушенное предместье отправились восвояси.

Петро в их дискуссии участия не принимал. Перед ним, оказавшимся в одиночестве, стояла одна задача: найти единомышленников и установить связь. И то и другое было смертельно опасным, но Петро специально приехал из своей глубинки в твердой уверенности – подполье в городе должно быть...

За мостом «представители» разошлись, а Петро и Пилюк направились к центру. У бывшего магазина Кронштейна, превращенного бомбежкой в груды развалин, увидев, как добрая сотня пленных под наблюдением одного «лахмана» разбирает кирпичные завалы, Пилюк не выдержал:

– О, ти, з ким говориты можна, працують! А нам нимци тих твердолобых совитив пидсовують!

– А куды ж воны тут без нас? – удивился Петро. – Тут же бильшовикив повно пооставалося, нимцям без нас аж нияк не можна...

– То ты правду кажешь! – Пилюк перестал пялиться на пленных и зашагал дальше. Потом недовольно пробурчал: – Воны вважають, що як банковський пидвал напхали, то вже все й мы им ни до чого...

– Чим напхалы? – не понял Петро.

– Не чим, а ким, – Пилюк коротко хохотнул.

– Ну чого ты ржешь? Я звидки знаю?

Тщательно скрываемая злость чуть не прорвалась наружу, и Петро поспешил прервать себя на полуслове. В их отношениях с «Кобзой» не было строгого подчинения, но не было и искреннего доверия, а завязавшийся узел создавал только дополнительные трудности.

Впрочем, вряд ли Пилюк с высоты своей «гимназиальной освіти» о чем-то догадывался. Вот и сейчас он не обратил внимания на заминку, а довольно спокойно пояснил:

– Немцы чистку сделали. Всех совитив, що втекты не змогли, и всех, на кого «пидозра пала», що навмисно оставлены, поарестовувалы. Вот они в банковском подвале и сидят. А оттуда, ты сам знаешь, ни одного не видпустять.

Петро сжал зубы так, что выкатились желваки. Призрачная надежда связаться с кем-то из товарищей рухнула, оставив его без малейшей возможности хоть как-то помочь своим...

* * *

Стоя у круглой афишной тумбы, Петро невидящими глазами смотрел на густо наклеенные листочки «Объяв». Ему было не до них. Все попытки Петра связаться в городе хоть с кем-то оказались напрасными. Выходило, что пока он мотался по своей новой службе, немцы вместе с оуновцами нанесли конечно же давно запланированный удар...

Теперь, как ни странно, Пилюк становился для него незаменимым. Именно он, привязанный к нему накрепко, мог, в случае чего непредвиденного, в той или иной степени, но помочь...

И именно его не без тайного умысла ждал сейчас Меланюк.

Пилюк появился почти вовремя, опоздав на какие-то минуты. Остановившись рядом, он заинтересованно скользнул взглядом по листку, в который уставился Меланюк, и весело фыркнул:

– Тю, знайшов що читаты! Бачишь, нимци усим молодым жыдам наказують збыратись...

По странной ассоциации Петро вспомнил отпущенного Ицека, и ему стало совсем тоскливо, но Пилюк даже не заметил его состояния и, бесцеремонно уведя от афишной тумбы, радостно сообщил:

– Я сьогонди взнав, але то тильки миж нами... Немцы вирішили, що там, на кухні у Лемика, хтось з совитив пальнув!

Петро немного помолчал, приходя в себя, и с задержкой, так что получилась внушительная пауза, веско сказал:

– Про це я знаю.

– Звидки?.. – от удивления Пилюк даже приостановился.

– Мене спыталы, и я так доповив.

– То що, ты и про мене доповідаеш?.. – Пилюк сразу осел, как будто из него выпустили воздух.

– Як ты миг? – В голосе Петра очень похоже зазвучали укоризненные нотки. – Я про тебе николи ничего такого не доповим!

– Спасибо тобі! – Пилюк потряс руку Петра. – Спасибо...

– Нема за що. – Пожал плечами Петро и внешне безразлично добавил: – Он, у Стецька теж стріляли, так що воно й спивпало.

– Так, так... – Пилюк закивал головой и, глянув на Петра, осторожно поинтересовался: – А ты часто доповідаеш?..

– Ни. Тильки як до штабу выкликають. А зараз я так, до герра гауптмана у приватній справи иду.

– В приватний... – недоверчиво протянул Пилюк и посмотрел на Меланюка совсем другими глазами. – А в який?

– Саме в приватний... – подтвердил Петро, всем своим видом показывая, что отныне между ними должны установиться по крайней мере равные отношения. – Так герр гауптман приказал!

Меланюк ловко уклонился от прямого ответа. Он хорошо знал, зачем идет к пану Длугому, но посвящать Пилюка в свои дела вовсе не собирался. Наоборот, тайной целью Петра стало подчинить «Кобзу» себе, а то еще не хватало и в самом деле превратиться в исполнителя Пилюковых «наказив».

Впрочем, судя по всему Пилюк уже сделал нужные выводы. Человек, имеющий прямой контакт с немецким начальством, ценен сам по себе, а уж такому мужлану, как Петро, готовому буквально смотреть в рот «пану референту», и вообще цены нет! В общем, «Кобза» стал настолько любезен, что проводил Петра почти до квартиры Длугого.

Герр гауптман отворил двери сам. Входя в переднюю, Меланюк про себя усмехнулся: наверняка «друзе Кобза» сейчас подглядывает за ним в какую-нибудь щелочку. Вот пускай и видит, как почтительно встречает Петра немец.

На самом деле, приказа Длугого являться к нему на квартиру Меланюк не имел. Просто так случилось, что в конторе Ланддинста гауптмана не было, и, разузнав, где его найти, Петро решил, что стоит рискнуть.

При виде Меланюка Длугий ухмыльнулся. Захлопнув дверь, он оглядел Петра с головы до ног и спросил:

– Ну чего пришел? Только не докладывай мне, что паны националисты нами недовольны, я это знаю. Пускай сначала на деле докажут, а то пока лишь обещать мастера...

– Ни, я перепрошую, я не в тий справи... – Меланюк замялся.

– Ах, не в той... – Длугий насмешливо задрал бровь. – А может, ты за своего дружка «Кобзу» похлопотать пришел, а? Кстати, как он?

– Непогано. Я чув як пан референт перед полоненими виступав...

– Ну и они «начхали пану референту в пику», так? – Гауптман коротко хохотнул и, не дожидаясь ответа, закончил: – Пусть спасибо скажет, что из того золота к нему ничего не прилипло.

– Какого золота? – Петро недоуменно посмотрел на Длугого.

– Ах да, ты не знаешь, – «герр гауптман» зачем-то почесал себя за ухом. – «Паны провидныки» золото у евреев изъяли, себе прикарманили, а мы их того...

Длугий оборвал себя на полуслове, шутовская ухмылка исчезла, и он холодными немигающими глазами уставился на Петра.

– Ну?..

– Герр гауптман! – Меланюк понял, что Длугий кончил валять дурака, и подобрался. – Я взнав дещо про той самолет, що вы казали...

– Узнал? – Длугий недоверчиво посмотрел на Петра. – И где он?

– Там, за збаражским лисом, биля озера, здається де колысь торф брали. Там один мужик бачив, як литак нибы за озеро впав. Я його добре попытав. Вин каже, спочатку еден «мотор» став, а потім вже другий. Я його шукати послав, а сам скоріше сюди.

– Что? Озеро «С»? Ах ты ж... – и герр гауптман явственно, со знанием дела, выматерился по-русски в три этажа...

* * *

Сжав ладонями голову, пан Казимир тупо смотрел перед собой. Расплывающееся пятно аккумуляторной лампочки тускло желтело в углу бункера, а нервно вышагивающий по бункеру поручик Мышлаевский воспринимался майором только как периодическое исчезновение световых бликов на обшивке лодки.

Решение не приходило. Мужик-соглядатай все еще сидел под арестом, и пан Казимир не знал, как ему поступить. Конечно, если бы вопрос состоял только в том, чтобы незаметно исчезнуть, то никаких проблем бы не возникало, но чтобы вот так бросить все... До сих пор, на что-то надеясь, они выжидали, и вот отпущенное время кончилось.

Усилием воли майор вернул предметам четкость и, повернув голову, уперся взглядом в поручика Вукса, молчаливым истуканом сидевшего прямо под лампочкой.

– Владек... – тихо спросил пан Казимир. – А тебе не кажется, что мужик наш не совсем то? Может, он того, врет и сейчас нас уже...

Майор сделал красноречивый жест, как бы хватая кого-то за шиворот. Вукс немного подумал и возразил:

– Не думаю. Я его допросил, и потом, дозоры посланы...

– Да, да... – пан Казимир кивнул, и лампочка перед его глазами, теряя очертания, снова расплылась.

Конечно, Вукс прав, и какое-то время у них еще есть. Все так, если б не эта радиограмма. Даже сейчас пану Казимиру казалось, что сквозь сукно он ощущает холодок, идущий от лежащего у него в кармане листка...

Дверь хлопнула, и, спросив разрешения, в бункер спустился поручик Рыбчинский в сопровождении летчиков. Они явно хотели узнать ответ на радиозапрос, но пан Казимир встретил их вопросом.

– Ну как, тихо?

– Все тихо... – поручик Рыбчинский приложил пальцы к мятой конфедератке. – Я сам только что обошел все дозоры.

– Хорошо...

Пан Казимир погрузился в молчание, и тогда, не выдержав, инженер-капитан сделал шаг вперед:

– Пан майор, позвольте узнать, как Лондон?

– Лондон? – глухо отозвался пан Казимир. – А никак...

– Как так, никак? – нервы инженер-капитана были натянуты до предела, и он мгновенно сорвался: – А что тогда? Москва?.. Скажите мне, где она эта Москва? Русофильство пана майора должно иметь предел! Сюда вот-вот заявятся немцы! Нет, мы все категорически требуем отправить нас в Лондон. Мы хотим воевать!

– Что касается летчиков, я хоть сейчас... – Пан Казимир остался невозмутимым. – Тут только одна трудность...

Пан Казимир полез в карман, достал смятый лист бумаги и протянул его инженеру.

– Это последняя радиограмма. Прошу вас. Читайте вслух.

Инженер пробежал текст глазами и только потом громко повторил:

– Считать риск полета оправданным только в случае включения в группу инженера Брониславского.

Бортинженер свернул листок и посмотрел на пана Казимира.

– Прошу меня извинить...

– Позвольте, пан майор... – вмешался первый пилот. – Мы отдаем себе отчет, что из-за трех летчиков никто самолет посылать не будет, но что мешает выполнить условие?

– Все... – пан Казимир посмотрел на Вукса и Мышлаевского. – Вы это знаете, подтвердите...

– Инженер Брониславский погиб, – отозвался Вукс.

Летчики переглянулись между собой, и в бункере повисла тяжелая тишина, которую резко оборвал пан Казимир.

– Панове, нам надо решить, как быть дальше!

– Разрешите мне, пан майор? – выступил вперед Мышлаевский.

– Прошу, – кивнул пан Казимир.

– Я считаю, просто уйти отсюда мы не можем. Взрывчатки у нас достаточно. Предлагаю все взорвать и поменять дислокацию.

– Позвольте... – Вукс по-школярски поднял два пальца. – Я считаю, что у нас есть шанс прояснить обстановку.

– Как? – оживился пан Казимир.

– Я выяснил, что этот самый Меланюк – всего лишь маленький полицейский чин, и самолет его просто так заинтересовать не может. За ним кто-то стоит.

– Это и так ясно! – вставил реплику Мышлаевский.

– Я предлагаю... – Вукс оставил его слова без внимания. – Использовать нашего пленника.

– Этого мужика с хутора? – удивился Рыбчинский.

– Вот именно, с хутора, – подтвердил Вукс. – Хутор не унесешь. Припугнем его, что спалим все к чертовой матери, и он для нас все сделает. Этот самый Гнат – мужик себе на уме.

– Что ты предлагаешь? – быстро спросил пан Казимир.

– Да хотя бы Меланюка этого к себе вызовет, а мы его р-раз! – и Вукс, ища поддержки, посмотрел на Рыбчинского.

– Значит, дичь ловит охотника? – Пан Казимир с сомнением покачал головой. – Вот только крючки у нас ненадежные...

– Можно усилить... – возразил Вукс. – В плане моего варианта... Вы не находите, что Рыбчинский очень похож на Брониславского?

– Ты что, спятил, Владек? – рассердился пан Казимир.

– Совсем нет. Смотрите.

Вукс быстро подошел к Рыбчинскому, достал расческу и ловко соорудил на голове поручика прямой пробор.

– Если еще немного заgrimировать, да седины подпустить, то для тех, кто знает инженера только по фотографии, может сойти...

Действительно, Рыбчинский несколько походил на Брониславского, но пан Казимир раздраженно спросил Вукса:

– Владек, а на кой черт весь этот Голливуд?

– Ложный след, пан майор...

– Для кого?

– Ну... – начал было Вукс, но майор резко оборвал его:

– Чушь! Не забывай, нам сейчас не до игры с подставными. Дай бог, самим унести ноги. Меланюка взять и допросить надо! Это правильно. Потом все здесь уничтожим, а нам и других дел хватит.

Летчики переглянулись между собой и первый пилот сказал:

– Пан майор, нам оставаться у вас в отряде?

– Вам?... – Пан Казимир секунду раздумывал, потом повернулся к Мышлаевскому и приказал: – Поручик, отправьте радиogramму в Лондон: «Ждем самолет».

– А как же Брониславский? – недоуменно спросил бортинженер.

– У меня есть все записи, чертежи и разработки, так что с пустыми руками не полетите, и потом, вы там нужнее...

Пан Казимир поднялся из-за стола и, словно проверяя каждого, строгим взглядом окинул стоявших вокруг него офицеров...

* * *

Одноэтажную местечковую больничку окружал густой сад. Здание было добротное, явно царских времен, и заведовал ею такой же старый, еще земский врач. Пока санитары на носилках выносили Малевича и укладывали его в тарантас, подогнанный к самому крыльцу, доктор внимательно следил за тем, как обихаживают больного и, только убедившись, что все сделано как надо, повернулся к стоявшему тут же Лечицкому.

– Ну вот, батенька мой, получите...

Полковник, остро посверкивавший стеклышками пенсне, сделал шаг вперед и неуловимым жестом вложил в докторский карман сложенную вдвое кредитку.

– Спасибо, милейший, что подлатали моего кучера. Привычка, знаете, не люблю ничего менять, а он у меня еще с той войны...

– Понимаю, понимаю... – Врач поклонился. – Но теперь беспокоиться не о чем. Наш больной уже пошел на поправку, неделька-другая покоя, и все будет в порядке. Только вы уж не пускайте лошадей вскачь...

– А почему я должен их гнать? – удивился Лечицкий.

– Ну как же... – дружески улыбнулся врач. – Вам, я слышал, новые власти отцовскую усадьбу возвратили, не так ли?

– Да, тут неподалеку, – подтвердил Лечицкий и, сняв пенсне, протер уголки глаз. – Только это не отцовская, а дедушкина усадьба. Вы знаете, я там совсем маленьким жил...

– Ну, вот и будете торопиться...

– Нет, нет, не извольте беспокоиться, – пенсне возвратилось на переносицу и снова хищно сверкнуло. – Я столько ждал, что теперь спешить не буду просто из принципа.

Лечицкий церемонно приподнял свое «борсалино», попрощался с доктором, проверил, как санитары устроили Малевича, и, взобравшись на сиденье, тронул упряжку. Выехав из больницы сада, он свернул на обсаженный деревьями тракт и, когда отдохнувшие кони сами пошли рысью, отпустил вожжи.

Теперь молча лежавший на спине Малевич видел, как медленно проплывают нависающие над головой ветки деревьев, как покачивается в такт дорожным ухабам спина в брезентовом пыльнике, и неожиданно для себя самого окликнул:

– Господин полковник...

Лечицкий слегка придержал коней и обернулся.

– А-а-а, оклемался, унтер? Как себя чувствуешь?

– Нормально...

– Вот и чудненько! – Лечицкий снял пенсне и хитро прищурился. – Ну, говори, гусь лапчатый, боишься, да?

– Нет, не боюсь... – Малевич сердито поджал губы.

– И правильно, унтер! – веселая дурашливость Лечицкого сразу пропала. – Нечего нам с тобой, унтер, больше делить. А что было, так то былшем поросло... Или, может, ты иначе считаешь?

– Не знаю...

– И то верно! Откуда тебе знать? Да и зачем знать?

Лечицкий подстегнул лошадей. В разговоре возникла пауза, и только выждав какое-то время, Малевич спросил:

– А вы... Как же?

– Я? Я, брат, в родной дом еду... Вот так-то!

– Выслужились, значит, у немцев? – сморщившись, Малевич попробовал повернуться на здоровый бок.

– Не совсем так... – Лечицкий встряхнул вожжами. – Я ведь не сразу эмигрантом стал. В «спецах» у вас тоже послужить пришлось. Ну а уж потом, когда разглядел, какой «пролетарский рай» вы строить собрались, за границу махнул. Не на Соловки ж ехать...

– Во-во... И я о том! Немцы, они усадьбы даром не раздают... И я ж слышал, вас унтер герром бароном назвал.

– Запомнил... Выходит, не совсем без памяти был. Что, думаешь немец? А оно, что Епанчины, что Лечицкие – немцы одинаковые... Но поскольку в родословных ты полный профан, поясню. Бабушка моя – урожденная баронесса Грецингер, и Розенберги нам и правда соседи были. Вот я знакомством старым и воспользовался... А раз бумага у меня, и там написано, что я потомок герра барона, значит, все «альзо орднунг».

Малевич скептически скривился.

– Ну да, а баронское-то поместье зажилили...

– Зажилили, скупердяи, это точно! – Лечицкий расхохотался и внезапно спросил: – Ну а ты как, унтер?

– А я в тюрьме сидел.

– И что, выпустили? – Лечицкий недоверчиво сощурился.

– Сами вырвались... Как наши Кресы в 39-м заняли.

– Подожди, подожди... Ты что, выходит, в Польше сидел?

– Выходит так...

– Последний раз мы с тобой встречались в восемнадцатом... – вслух начал рассуждать Лечицкий. – Ты при чинах, значит, служил... И как же ты в польской-то тюрьме выслужился?

– А я в 20-м на польском фронте был. Под Каменкой ранили. Худо стало, в общем, застрял... А потом пилсудчики выследили и, ясное дело, в каталажку. За все про все пожизненно дали...

– М-да... – пожевал губами Лечицкий. – Врешь, конечно, но и так все ясно. В нелегалах ходил, мировую революцию вперед двигал. Додвигался, дурак... В лесную-то водомоину как попал?

– В водомоину?... – Малевич наморщил лоб, силясь понять, о чем речь, и лишь потом пояснил: – А-а-а... Сначала как могли отбивались, потом – окружение. Месяц выходили сводным отрядом и напоролись в лесу на немцев. Признаться, неразбериха началась... Вот там меня и зацепило. В очередной раз...

– А чего ж солдатики твои своего комиссара бросили?

– Думаете нарочно?

– Есть такая мыслишка...

– Все могло быть... Но я вроде как сам еще шел. Не помню...

Малевич прикрыл глаза, помолчал и только потом спросил:

– Господин полковник, вы меня долго везти будете?

Явно отвлекшись на что-то свое, «герр барон» какое-то время молчал и только потом ответил:

– Долгонько... Тем более врач наказал не торопиться. Ты если устал, спи. Надо будет, я тебя разбужу.

Сидевший все время вполоборота Лечицкий снова повернулся спиной к Малевичу, и, плавно покачиваясь, тарантас покатил дальше по затененной дороге...

* * *

Превосходный «Цейс» позволял видеть многое, и, несмотря на быстро сгущавшиеся сумерки, пан Казимир неотрывно разглядывал добротные хуторные постройки. Отсюда, с опушки, хорошо просматривались и хозяйские постройки, и на удивление чистый двор.

Богатый хутор, принадлежавший Гнату (тому самому мужику, которого таинственный «пан Меланюк» отправил разыскивать самолет, упавший два года назад), был, в общем-то, надежной гарантией. Конечно, пан Казимир не очень-то доверял Гнатовым заверениям, но, поддавшись на уговоры Вукса, майор рискнул...

Сумерки наконец взяли свое, и постройки как бы растворились во тьме. Майор спрятал бесполезный бинокль и, поднимаясь с земли, на всякий случай уточнил у дежурившего здесь с утра Вукса:

– Хозяин с хутора никуда не отлучался?

– Никто не отлучался. – Вукс тоже встал и начал отряхиваться.

Но сомнения все еще мучили пана Казимира, и он спросил:

– А Гнат наш хуторной часом не соврал, что Меланюк этот сам-один к нему заезжает?

– Нет. Я ему втолковал, если что не так, – спалим. Уяснил...

– Уяснил-объяснил, а все может быть... – пробормотал майор.

– Так мы ж с Рыбчинским подстраховываем... – Вукс недоуменно пожал плечами и вдруг задал вопрос: – Пан майор, как вы считаете, самолет из Лондона будет?

– Не знаю, Владек... Я лично не надеюсь, но если прилетит, посажу на него летчиков. Они, как я понял, свой выбор сделали.

– А вы, пан майор? – Вукс проявил странную настойчивость.

– Еще нет, Владек, но нам всем предстоит сделать выбор. Тем, кто уцелеет... – уточнил пан Казимир и насторожился.

Послышались негромкие шаги, и из-за кустов появился поручик Рыбчинский, контролировавший подходы к хутору с другой стороны.

– Все в порядке, пан майор. Можно идти...

– Тогда пойдем.

Пан Казимир вздохнул, на всякий случай поставил ВИС на боевой взвод и в сопровождении обоих поручиков зашагал к хутору.

Вблизи дом казался приземистым, беленые стены скрадывались темным свесом крыши, и только деревянные балясины входа хорошо прорисовывались на сером фоне. Где-то за углом звякнула цепь, и, не дожидаясь, пока собака зайдется лаем, пан Казимир подтолкнул Вукса.

– Давай, Владек, стучи.

На стук долго никто не откликался, и только неугомонный пес, гавкая, гремел цепью. Наконец за дверью послышалась возня.

– Ну, открывай, Гнат, открывай! – насмешливо приказал пан Казимир и потянул дверь на себя.

– А це вы... Прошу, прошу... – Гнат, сам открывший дверь, услужливо кланялся, отступая в глубь коридорчика.

Оставив Рыбчинского на крыльце, пан Казимир и Вукс пошли за ним и очутились в низкой горнице с лавками вдоль стен. В переднем углу над лампадкой теснились иконы, украшенные дешевой фольгой, а посередине комнаты, на дощатом столе, светила семилинейная керосиновая лампа с надбитым стеклом. Фитиль ее слегка косил, и язычок пламени завивался с одной стороны струйкой копоти, тянувшейся к отбитому краю.

– Ну, принимай гостей, Гнат, – пан Казимир уверенно шагнул вперед и сел на лавку, покрытую домотканым рядном.

Хозяин засуетился, явно порываясь поставить что-то на стол, но майор жестом вернул Гната на место.

– Подожди, успеется, сначала дело.

– Справа? – как-то неуверенно протянул Гнат и покосился на Вукса, подпиравшего спиною дверной косяк.

– Ну да, дело, – подтвердил поручик. – И не метушись, а то знаешь, Гнат, скажем немцам, что ты наш, они тебя и повесят!

– Чого мени метушиться? – Гнат сразу обмяк и опустился на лавку.

Пан Казимир, отметив про себя поведение Гната, внушительно начал:

– Мы присмотрелись к тебе, Гнат. И потому прямо скажем: раз Украина – для украинцев, то само собой Польша – для поляков...

Сейчас майор сознательно напускал тумана. Он знал, от того, что скажет Меланюку Гнат, будет зависеть и то, что скажет сам «пан»...

Услышав об Украине для украинцев, Гнат стрельнул глазами, и пан Казимир, поняв, что рыбка клюнула, уверенно продолжил:

– Так что, сам понимаешь, нам с вами делить нечего. Тем более, мы отсюда уходим. Да, тот самолет, что ты искал, в лесу валяется...

– А що?.. – Гнат поднял голову. – Вин вам ни до чого?

– А на кой он нам? – пан Казимир безразлично пожал плечами.

То ли Гнат вообще соображал туго, то ли был себе на уме, но, во всяком случае, прошло немало времени, прежде чем, покосившись на Вукса, он медленно, с запинкой спросил:

– А раз вы, пане, той... Уходите... То мени, той... Чого казаты?

– А так и скажешь, – добродушно хмыкнул пан Казимир. – Искал самолет и нас видел. А еще пану Меланюку скажешь: у нас интерес есть поговорить с ним, если захочет...

– А якщо не схоче?

– А тоди й мови нема, розийшлись тай годи, – неожиданно для Гната по-украински сказал пан Казимир.

– А якщо... – видно было, что мужик тяжело думал, – вин погодыться, мени що, по вас до лясу йти?

– Ну зачем же?.. – усмехнулся пан Казимир. – Я полагаю, пан Меланюк – человек занятой, ему ждать некогда. Мы его сами тут подождем.

– Тут?.. – совсем растерялся Гнат.

– Ну да. Ты ж сам уверял, что он вот-вот приехать должен... – и поднявшись с лавки, пан Казимир начал по-хозяйски осматривать горницу, как бы выбирая, где тут расположиться...

* * *

Сегодня Малевич чувствовал себя гораздо лучше. Жжение во всем теле пропало, сознание сделалось ясным, и хотя едва затянувшаяся рана отзывалась на каждый толчок, но все же боль стала терпимой. Плетеный кузов тарантаса уютно поскрипывал, над его краем неспешно плыли ветви деревьев, а далеко вверху, в пронзительно-синем небе, висели маленькие, ватно-белые облака.

Чувствуя прилив сил, Малевич приподнялся на локтях и выглянул из тарантаса. Лошади рысью бежали по узкой лесной дороге, ее колея, испятнанная световыми зайчиками, уползала в глубь чащи, и та же брезентовая спина возницы маячила на сидении.

Полковник-то и дело подстегивавший и так идущих рысью коней, услышал сзади возню и сразу же, натянув вожжи, обернулся.

– Тебя как, унтер, трясет не сильно?

– Нормально... Вот только не пойму я, вашбродь, чего это вы с утра пораньше, гоните? Или поспеть хотите до вечера?

– Приехали, унтер, приехали. Вот-вот увидеть должны...

– Как приехали? – изумился Малевич. – А чего ночевали рядом? Вполне могли вчера добраться. Засветло...

– А ничего ты, унтер, не понимаешь... Я ж сколько лет тут не был! Хочу, чтоб как в детстве... Солнце, утро, радость...

Действительно, из леса доносился птичий пересвист, пряный запах и шум листьев от тянувшего поверху ветерка.

Некоторое время Малевич в упор смотрел на брезентовый пыльник. Он понимал, что обязан этому человеку, своему врагу, многим, к тому же, превратившись в «герра барона», полковник становился как бы вдвойне врагом, и эта мысль все время подспудно давила Малевича. В конце концов надо было что-то решать, и он рубанул прямо:

– Ага, и меня, для полноты счастья, на пороге застрелите!

– Тп-п-р-р-у... – Лечицкий резко осадил лошадей. – Дурак ты, унтер, ох и дурак! Пойми, застрелить-то тебя я и раньше мог. Так что, гусь лапчатый, ты зря боишься...

Малевичу вспомнилось, что в прежние времена «их высокоблагородие» называл его «гусем лапчатым» только в минуты крайнего благорасположения, но тут же прогнал эту мысль и сердито поджал губы.

– А кто вас знает? Небось там у столба в восемнадцатом многое передумали...

– Ты глянь! Вроде как поумнел... – Лечицкий пристально посмотрел на Малевича. – До моих лет доживешь, совсем умным станешь. Сказал, – целый будешь.

Сейчас между ними как бы само собой возникло какое-то почти прежнее доверие, и Малевич немедленно этим воспользовался.

– Да зачем я вам целый-то? В холуи, что ли?

– Зачем на себя наговариваешь? Холуем ты никогда не был. Ты, унтер, – солдат и хороший солдат... Пойми, встретить я тебя в колонне пленных, сдал бы охране не задумываясь. А ты в самых клятых условиях дрался, еще и шкуры своей комиссарской не снял. Ценю...

– Вы что, хотите, чтоб я и дальше с немцами воевал? – изумился Малевич.

– Да, унтер, я тебя из того леса вытащил для войны...

– Погодите, вашбродь, мы вроде как с вами по разные стороны? – В голосе Малевича прозвучала растерянность. – И защищали разное...

– Одно мы с тобой защищали, унтер, одно... Только я – раньше, а ты – теперь... И нечего нам с тобой, унтер, больше делить. А что было, так то бывшем поросло, да... Или, может, ты иначе считаешь?

– Не знаю...

Вопрос застал Малевича врасплох. Он и в самом деле не мог понять, как ему относиться к так внезапно возникшему в его жизни полковнику.

– И верно, откуда тебе знать? – Лечицкий помолчал и медленно, как-то раздумчиво, добавил: – Да и зачем знать? Вот подлечишься малость, и иди себе на четыре ветра...

Услышав эти слова, Малевич вздрогнул. До сих пор он все время терялся в догадках, на кой черт Лечицкий тащит его за собой. Уж что-что, а возможность избавиться от Малевича предоставлялась «герру барону» неоднократно. Тем более, что тарантас катил через занятые немцами местечки, с поразительной легкостью минуя всякие контроли посты и проверки.

Малевич решил было, что такой многообещающий разговор будет продолжен, но Лечицкий неожиданно замолчал, встряхнул вожжами, лошади побежали резвей, колеса застучали по корневикам, и, наконец-то съехав с увала, тарантас резко остановился.

Малевич перевернулся через здоровый бок и заглянул поверх кузовной плетенки. Вырвавшись из леса, дорога сбегала вниз и исчезала за фасонной оградой. Небольшая усадьба раскинулась на берегу озера, как красочная игрушка. Темно-зеленая горжетка леса полукругом подступала с боков, и на ее фоне красная черепичная кровля дома, украшенного башенками и галерей, казалась оторочкой старого военного кафтана...

– Слава те, Господи, цел! – Лечицкий снял пенсне и осторожно, пальцами, прикоснулся к глазам. – Ты тоже, наверное, хату свою помнишь, унтер, так что должен понять...

Малевич не ответил. Он увидел, как из ворот усадьбы верхами выехало несколько полицейских и карьером понеслись к остановившемуся тарантасу. Топот всадников приближался, и, едва подъехав, их старший полицейский гаркнул:

– Кто такие? Документен!

Лечицкий протянул бумаги, полицейский углубился в чтение, а Малевич инстинктивно дернулся, и у него все поплыло перед глазами. Рядом с тарантасом, на сытой, перебирающей ногами лошади, одетый в полицейскую форму, сидел Петро Меланюк...

* * *

Тарантас Лечицкого в сопровождении полицейских торжественно въехал во двор усадьбы. Лечицкий натянул вожжи, встал в тарантасе во весь рост и перекрестился. Меланюк, теперь неотступно следовавший за ним, приказал своим людям спешиться и, стоя рядом с тарантасом, почтительно доложил:

– Я перепрошую, позаяк я ознайомлений з вашими паперами, забов'язаний всляко спрытаты у вашай справі...

Похоже, только теперь «герр барон» обратил на него внимание.

– Послушайте, любезный, а вы зачем здесь?

– За наказом ляндрвирта проводили облік реманенту, герр оберст!

– Вон оно что... Ну тогда помощи вылезть, любезный.

Меланюк поддержал Лечицкого под локоть и, глядя на Малевича, как бы между прочим спросил:

– А то хто з вами?

– Кучер, ранили его по дороге.

– То, може, фершала треба?

– Не надо, его врач смотрел.

Лечицкий скептически огляделся и покачал головой.

– Пожалуй, обратиться надо бы...

– Слухаю! – так и подпрыгнул Меланюк. – Панасе! Скожь у село, збери баб, мужикив і фурманкою сюда! Тут все чистыты!

Лечицкий проводил взглядом усакавшего в село Панаса и одобрительно кивнул Меланюку.

– Ну, пошли, глянем, что тут есть...

В живописной усадьбе, «за совитив», судя по всему, размещался какой-то дом отдыха. Кругом все было перевернуто, мебель опрокинута, но зато окна двери и даже остекление везде было цело. Лечицкий, сопровождаемый Меланюком, прошелся по комнатам, мельком заглянул на первый этаж и, усмотрев в бывшей людской более-менее обставленную комнатушку, распорядился:

– Кучера моего сюда занесите.

Меланюк опрометью бросился выполнять распоряжение. По его команде полицаи осторожно сняли Малевича с тарантаса и на руках занесли в людскую, где для раненого нашелся довольно сносный топчан.

Тем временем Лечицкий, закончив беглый осмотр дома, поднялся по лестнице и засел в самой верхней комнате у окна с видом на озеро. Поняв, что это надолго, Меланюк только и ждавший момента, поспешил вниз.

Поспешно пройдя пустой темноватый коридор, Петро распахнул дверь и остановился, едва переступив порог.

Приподнявшись на своем покрытом рядном топчане, Малевич несколько секунд вглядывался в лицо Меланюка и только потом, бессильно откинувшись на подушку, сдавленно прошептал:

– Ну, наконец-то ты, а я уж ждал, ждал...

– Не мог я раньше, товарищу Малевич, не мог! Але як бы вы знали, який я радый...

Меланюк с трудом овладел собой и, так и позабыв поздороваться, присел на краешек топчана. Малевич лежал неподвижно, и Петро испуганно схватил его за руку.

– Дядьку, дядьку, ви що?

Малевич медленно открыл глаза и улыбнулся.

– Ранен я, Петро. Еще не одужав...

– А той, ну... Пан Лечицкий, як то?

– Да не знаю... Он меня случайно в лесу нашел. Мы еще с той войны знакомы.

– От воно що... А я думав, думав...

– Про это потом. Сейчас пан полковник что делает?

– У кимнати на верси биля викно засив.

– А-а-а, вспоминает, наверное... Он же вырос здесь.

Малевич на секунду расслабился и тут же жестко приказал:

– Про наше знакомство ему ни слова!

– Так, поняв... – Петро весь подобрался.

– У тебя связь есть?

Малевич приподнялся на постели, и Петро торопливо передвинул подушку, так чтоб раненому было удобнее. Теперь Малевич мог полусидеть, и, еще немного повозившись возле него, Петро наконец глухо ответил:

– Нема в мене зв'язку, товаришу Малевич, нема... Спочатку був, а як воно усе завертелось, то й того нема, й той загинув, от и остався я сам по собі, щастя ще що ото вас зустрів... – Меланюк горько вздохнул. – Хіба ж я сподівався на це, як с товаришем Іваном мова була? Я гадав, ще пивроку, ну бо-дай ще рик, а воно ось як повертається...

Петро замолчал и, как-то сразу осунувшись, замер на топчане, глядя в одну точку. Малевич тоже некоторое время молчал, потом осторожно положил руку Петру на плечо и тихо встряхнул.

– Хлопче, а ты что думал, борьба за мировую революцию – это так? И у меня было такое... Я в двадцать четвертом в Налибокской пуще партизанил, а потом что? Потом до тридцать девятого в тюрьме ждал. А сейчас легче, Петро, поверь мне легче...

– Та як же воно легше, товаришу Малевич, як легше? – Петро разом стряхнул с себя оцепенение и с горькой отрешенностью сказал: – Фашисты наступают, хай им... Хваляться ось-ось Москву визьмутъ. Брешуть, конечно, тильки далеко видийшли наши, ой далеко...

Наступило тяжелое молчание, потом, видимо, стремясь хоть как-то объяснить происходящее, Петро с запинкой, через силу, спросил:

– Дядьку, а может, тут, той, предательство?

Малевич помолчал и ответил так, как только и мог ответить, как думал и верил сам:

– Скажи, Петро, а ты предал?

– Ви що, дядьку? – Петро дернулся, как от удара. – Ви що?..

– А как ты считаешь, я предал?

– Як так можна казати, товаришу Малевич? – голос у Петра сел. – Хіба ж я вас не знаю?

– Тогда вопрос тебе, Петро Меланюк... Конечно, немцы сейчас и про врагов, и про друзей много чего болтают. Но вот скажи мне, ты веришь, что те сотни тысяч наших товарищей, что советскую власть ставили, а потом социализм строили, тоже предали?

– Нет! – на скулах Петра выкатились желваки.

– А раз так, товарищ ты мой Петро, и разговор о том лишний, хотя, если по совести, тех, кто с переляку немцам сраку лизать начал, тоже хватает...

– Я все зрозумів, товаришу Малевич! – Петро сглотнул застрявший в горле комок. – Що зараз робити маємо?

– Пока приглядывайся. Людей ищи, товарищ Петро. Наших людей, – и, словно готовясь к важному делу, Малевич, прикрыв глаза, откинулся на подушку...

* * *

Сидя у себя в «кабинете», Петро весело постукивал пальцем по чернильным пятнам, еще оставшимся на выскобленной столешнице. Стол полицаи отыскиали где-то в школе. Меланюк приказал его вымыть и велел поставить в облюбованную им комнатуху. Кроме пятен на столе были еще чернильница-непроливайка и простая ученическая ручка с мягким пером «рондо».

Еще недавно это помещение казалось Меланюку самым опостылевшим местом, но теперь, после нечаянной встречи с Малевичем, ему тут даже нравилось. Тем более что в столе лежал только что полученный из управы лист с перечнем «пидозрилых осиб», которых предстояло немедленно выявить.

Петро не сомневался, что именно там, в этом списке, он найдет тех самых людей, о которых так горячо толковал ему комиссар Малевич. И то, что так быстро удалось выполнить хотя бы частично первое настоящее задание, наполняло Петра чувством законной гордости.

Однако в этот раз как следует изучить мельком просмотренный список Петро так и не успел. Прохаживавшийся в палисаднике часовой забил тревогу, и почти сразу, переполошив кур, к Петру влетел растрепанный полицай:

– Пане командант! Немци! Машинами!

– Збирай усих! – рявкнул Петро и выскочил из-за стола.

Выбежав за ворота, Меланюк действительно увидел заворачивавшую к селу небольшую автоколонну. Быстро окинув все взглядом и убедившись, что кругом вроде бы чисто, Петро на всякий случай цукнул дежурного и, поднявшись на крыльцо, стал ждать.

Минут через десять во двор въехали три грузовика с солдатами, а из остановившегося рядом с Меланюком офицерского вездехода выбрался герр Длугий собственной персоной.

– Не ждал? – Длугий весело подмигнул Меланюку и принялся с удовольствием разминать ноги.

– Докладаю слушно!..

Петро немедленно вытянулся в струнку, но Длугий жестом остановил его.

– Оставь! Мне твои полицейские дела ни к чему... Пошли, показывай, где тут твои апартаменты?

Длугий командно махнул рукой, и немцы-солдаты начали дружно выскакивать из машин на землю. Петро, увидев, что и его полицаев тоже набежало достаточно, дал им знак собираться вместе, а сам заторопился вслед за Длугим, уже поднимающимся на крыльцо.

Меланюк ввел гауптмана в свой кабинет и, заметив, что Длугий первым делом выложил на стол карту, удивился:

– Што это?

– Сам не видишь?

Меланюк подошел ближе и понял, что Длугий разложил на столе крупномасштабную карту озера «С».

– Смотри... – Длугий показал пунктирную линию, пересекавшую лист. – Гидроплан так падал?

Только теперь до Меланюка дошло, что причиной появления Длугого стал именно загадочный самолет, след которого так неожиданно отыскался у озера.

– Нибы-то так... Я перепрошую, – поняв, что дело совсем не так просто, как казалось вначале, Петро заволновался. – Я ще не всех встыг розпытаты, бо тут в мене герр барон об`явися. Мусив саме им займатись...

– Какой еще барон? – Длугий недовольно зашелестел картой.

– Той, як його... Грецингер.

– А-а-а, слышал... Значит, он у тебя обосновался? Ну да ладно, рассказывай, что узнать успел?

– Значит-ца так... – Петро пожевал губами. – Литак, бачили, але де саме вин впа, ниhto не знае. Принайми в лиси ниhto ни на що не натыкався. Але еден пидозрилий момент е...

– Какой еще момент? – заинтересовался Длугий.

– За мисяць до того, як той литак гепнувся туды, до озера по старой гати ценжарувки ездили.

– Грузовики? Молодец! – Длугий ткнул пальцем в карту и, радостно потирая руки, зачем-то обежал вокруг стола. – Я так и думал. База там у них, база! Ее мы и искать едем...

– Яка така база? – не понял Петро.

– Узнаем... Лес прочешем, найдем!

– А навищо прочесуваты? – решил возразить Меланюк. – Там гать прокладена до торфоразробок, а ще ранише там якась паньска садыба булла, и, як казали, былш там сухого мисья немае, скризь болота...

– Болото, говоришь? Так, так, так...

Облокотившись на стол, Длугий о чем-то минут пять размышлял, потом свернул карту и совсем другим тоном приказал:

– Собирай своих людей!

– Уже наказано! – вытянулся Меланюк.

– Отлично. Со мной рота солдат, но и для вас в кузовах найдем место. Забираю твою команду, поможете лес прочесывать.

Длугий решительно пошел к выходу, и Меланюк, ни о чем больше не спрашивая, затопился следом.

Залезая вместе с полицаями в кузов «опель-блица», Петро лихорадочно думал, что заставило Длугого принять такие необычные меры? По его разумению, упавший два года назад самолет уж никак не стоил столько хлопот. Похоже, дело становилось слишком уж интересным, и хорошо, что Длугий захватил их с собой. По крайней мере, как надеялся Петро, после этой поездки ему будет, что рассказать Малевичу...

* * *

Опершись на балясину крыльца Гнатовой хаты, поручик Рыбчинский задумчиво смотрел на зубчатую кромку леса, четко прорисовавшуюся на ночном небе. Ожидаемый третий день «пан Меланюк» так и не появлялся, отчего общее напряжение начинало спадать. Вот и сейчас поручик не столько наблюдал за дорогой, сколько прикидывал, чем заняты поручик Вукс и майор. Они сидели в комнате, а свет из ее окна высвечивал перевернутую бадейку и пса, который давно привык к постояльцам и даже не думал гавкать на Рыбчинского.

Внезапно поручик насторожился. От леса, с еще невидимой части дороги четко донеслось гудение автомобильных моторов. Еще через минуту замелькали огоньки фар, и Рыбчинский, рванувшись назад в коридор, не открывая дверей, крикнул:

– Пан майор, немцы! Колонна!

Вукс с паном Казимиром тут же выскочили наружу и уже на крыльце остановились как вкопанные.

По полевой дороге, отрезая хутор от леса, ползла цепочка автомашин, а одна из них, видимо, вездеход, напрямик неслась к хутору. Длинные лучи включенных во всю силу фар, вскидываясь на каждом ухабе, краем уже цепляли двор, еще оставляя крыльцо в косой тени сарая. Майор сразу понял, что угодил в ловушку, и вся его бессильная ярость рванулась наружу.

– Вот сволочь!.. Предал нас!

Выбежавший следом за ними Гнат испуганно запричитал:

– Панове, панове, как можно? Вот хрест святой, то не я...

– Не ты! – злоба душила пана Казимира. – Поручик, гранату!

– Не треба, благаю, не треба! – Гнат хлопнулся на колени, пытаясь поцеловать руку. – Пане майор, тут комирчина е, сховається...

– Он не врет, – подтвердил Вукс. – Я, как хутор осматривал, видел. В том закутке и окно есть.

– Окно?.. – машинально переспросил майор, не спуская глаз с приближающегося вездехода. – Ладно...

Пан Казимир наконец-то взял себя в руки и повернулся к Гнату.

– Веди! Но если что, знай, – тут все в пепел...

Гнат засуетился, и к тому моменту, когда во дворе зафырчал разворачивающийся автомобиль, пан Казимир уже затаился позади припертой дрючком двери, а оба поручика, с гвоздями вырвав застекленную раму, тихонько освобождали проход к окну.

Через щели в дверях пан Казимир видел силуэт выбежавшего на крыльцо Гната и слышал невнятный говор вылезавших из вездехода немцев. Поручики разом прекратили возню, и теперь через высаженное окно тянуло свежим запахом поля, и доносились неясные ночные шорохи.

Пану Казимиру было по-настоящему страшно. Он пытался убедить себя, что Гнат сказал правду, и им удастся отсидеться. В противном случае всех троих ожидал прыжок в окно и заячий бег под выстрелы в свете автомобильных фар...

Эта пугающая мысль так засела в сознании, что майор отогнал ее лишь после того, как немецкие сапоги прогрохотали по ступенькам, потом темные силуэты замелькали по коридору, и, в конце концов, прервав услужливый лепет Гната, начался разговор в комнате.

– Так это ты видел самолет? – отчетливо произнес до странности знакомый голос, и пан Казимир напрягся так, что кровь иголочками застучала в виски.

– Так, пане, так...

Слушая сбивчивые пояснения Гната, пан Казимир понял, что таинственный «пан Меланюк» тоже здесь и прибыл он сюда вовсе не один, как ожидалось, а в сопровождении чуть ли не роты солдат...

– Кончай болтовню! Где машина?

Знакомый голос властно оборвал Гната, и вдруг пан Казимир вспомнил, кому он принадлежит. Без всякого сомнения, тут рядом, за тонкой дощатой стенкой, был инженер Длугий... Перед майором так явственно встал полный провал всех его планов, что у него похолодели пальцы.

– Там, там, пане, але... – то ли Гнат, то ли еще кто-то, заглушая общий говор, громко закашлялся.

– Ну!.. – Длугий бесцеремонно подгонял Гната.

– Там, пане, люди булы... Я не знаю хто то, але, мабуть, поляки? Бо з-за куцтив польску мову було чути, и ще хтось когось паном майором назвав...

– Что! – Длугий сорвался в крик. – Когда? Давно?!

– Да, ни, ни... Я ж тильки-но повернувся!

– А-а-а, сакрамент!..

Голос Гната прервался, и в комнате что-то треснуло, а свет почему-то метнулся в сторону. То ли начала падать лампа, то ли, наоборот, ее кто-то поднял. За общим шумом понять что-либо пан Казимир не мог, но, судя по топоту, все кинулись во двор, и разговор опять стал невнятным. Потом донеслось завывание стартера, мотор заурчал, и машина куда-то отъехала. Во всяком случае, и на дворе, и в доме наступила неожиданная тишина.

Все это время оба поручика жались за спиной пана Казимира, и только сейчас Вукс прошептал:

– Паршиво дело! Не предупредили... Чертов Гнат проболтался!

Не отвечая, пан Казимир подтолкнул Вукса к окну, но в коридор кто-то вошел и принялся ворочать кадушку, загораживавшую дверь. Пан Казимир подобрался, но тут же услышал:

– Панове, панове, то я! Можна выходыты... Воны поихалы...

Интонации Гната были настолько ясными, что майор тут же отбросил сомнения и, пнув дрючок, распахнул дверь.

– Куда поехали?

Все было ясно, но, спрашивая так, майор еще на что-то надеялся.

– Здається туды, до вас... – Гнат отступил назад, освобождая проход. – Той, старший з нимцями напрямки в лес поехав, а Меланюка з поліціями навкруги послав...

Едва не зацепившись за стоявшую на пути кадку, пан Казимир выскочил на крыльцо. Уже далеко, наверное, на самой опушке, мелькали огоньки втягивавшейся в лес автоколонны. Пан Казимир покачнулся и изо всех сил вцепился в шершавую балясину. Нет, ничего больше он сделать не мог. Еще до рассвета немцы и полицаи, сидящие в этих автомашинах, будут в районе базы...

* * *

Оголенный кончик провода больно кольнул руку, и поручик Мышлаевский, ругнувшись про себя, сунул палец в рот. Прикусив проколотую кожу зубами, он слизнул солоноватую капельку и, мельком глянув на ранку, снова принялся скручивать медные жилки.

Поручик присоединил зачищенный конец к электрозапалу установленной здесь боеголовки и, замотав конец за край плоскости так, чтоб случайный рывок не сдернул провод с детонатора, медленно пошел дальше, спуская с бухты виток за витком.

О маскировке Мышлаевский не беспокоился, среди зарослей на земле, покрытой веточками и прошлогодней листвой, оливковый провод был почти неразличим, а в траве и вовсе исчезал из вида.

Четыре полностью снаряженные торпеды, завезенные сюда еще в 39-м, а вкупе с ними – еще десяток мощных подрывных зарядов, способных каждый отправить ко дну чуть ли не крейсер, давали полную возможность при взрыве снести все вокруг на расстоянии в несколько сот метров.

Но вот эти-то сотни метров сейчас больше всего и беспокоили поручика. Тогда, в спешке, о себе как-то не подумали и только сейчас, обстоятельно все прикинув, Мышлаевский понял, что взрыв может оказаться небезопасным, так как на ровной местности взрывная волна вполне способна смести вместе с самолетом самих подрывников.

На всякий случай, экономя провод, Мышлаевский шел к бункеру как по ниточке и, добираясь до входа, основательно поцарапался. Впрочем, на такие мелочи обращать внимание он и не думал. Спускаясь вниз по ступенькам, поручик отбросил пустую катушку в сторону, намотав оставшийся провод на руку.

В бункере Мышлаевский, прикинув, сколько еще есть провода, присоединил конец прямо к взрывателю лежавшей на стеллаже торпеды. Потом, мурлыча под нос, он проверил индуктор, подкатил ногой последнюю оставшуюся катушку и зажал оголенный кончик клеммой.

Все было готово. Теперь оставалось только, взяв индуктор с собой, уходить в любом направлении, разматывая за собой бухту в двести пятьдесят метров многожильного провода, чтобы по первому приказу поднять на воздух и остатки машины, и всю несостоявшуюся базу...

До проверки постов еще было время, и Мышлаевский решил послушать сводку. В лагере рация всегда подключалась к стационарной антенне, так что особой подготовки не требовалось. Включив тумблер, поручик дождался, пока прогрелись лампы, и настроился на прием. Затем, надев наушники на голову, принялся медленно вращать верньер, пытаясь отыскать среди шумов и треска эфира Лондон...

Станция не находилась, и под монотонное потрескивание поручик задумался. Как всегда, в трудную минуту ему приходил на ум тот самый, теперь уже далекий 20-й, который он – мальчишка, выросший в шляхетской семье, воспринял как новое, истинное возрождение Польши. Это тогда он, шестнадцатилетним «гарцежем», дрался с красными полками под Варшавой, и именно там «Чудо на Висле» стало знаменем всей его жизни...

И даже в трагическом 39-м он до последней минуты ждал, что вот-вот произойдет что-то подобное, и бронированные германские колонны захлебнутся в яростной волне встречного польского наступления. А когда никакого чуда не произошло и Польша под внезапным ударом

с двух сторон рухнула, только присяга и надежда на Англию удержали поручика Мышлаевского у последней черты...

* * *

Треск показался поручику столь громким, что он сдернул с головы обруч и устоял на мембрану. Но это было не радио. Треск доносился снаружи. Поручик недоуменно посмотрел на дверь и только тогда до него дошел зловещий смысл услышанного. Там, за холмом, трещали автоматные очереди...

Отшвырнув наушники в сторону, Мышлаевский опрометью выскочил из бункера. Беспорядочная стрельба слышалась уже отовсюду, и почти одновременно с ним на открытое место выскочили немцы. Поручик сначала заметался по поляне, потом замер и начал пятиться назад к бункеру.

Скотившись вниз по ступенькам, он захлопнул за собой дощатую дверь и только здесь, в прохладной темноте подземелья, до него дошел весь ужас создавшейся ситуации. Выхода не было. Ему оставалось либо погибнуть в перестрелке, либо сдаться в плен...

Еще не найдя никакого решения, Мышлаевский увидел зеленоватый глазок приемника. Внезапная мысль пронзила его мозг и, повинувшись ей, он бросился к рации. Включив передатчик, начал одной рукой лихорадочно настраиваться на дежурную волну, а другой ухватился за ключ...

Но не успел. С треском распахнулась дверь бункера, верзила в пятнистом комбинезоне, поводя перед собой стволом автомата, несколько секунд вглядывался в полутьму и, только убедившись, что поручик, скрючившийся над рацией, здесь один, довольно осклабился.

– Ком, ком! Битте...

Он поманил Мышлаевского пальцем и вдруг оглушительно заржал, наполняя тесноту бункера каким-то прямо-таки совиным уханьем.

Приподнявшись над передатчиком, Мышлаевский завороченно смотрел на дуло «шмайсера», готовое в любую секунду плюнуть огнем, одновременно ощущая, как вражеский хохот молотом бьет в уши.

Сейчас этот немецкий солдат или убьет его, польского офицера, или, если он, поручик Мышлаевский, поднимет перед ним руки, еще долго будет хохотать, а потом вытащит, как щенка, наружу, на потеху всем остальным.

Почувствовав внезапную отрешенность, Мышлаевский неожиданно для самого себя, прыжком отскочил в угол, уходя от неминуемой очереди. Его сразу вспотевшие ладони цепко охватили корпус подрывной машинки, и, не слыша ни стрельбы, ни крика испуганного солдата, чувствуя одно только злорадное удовлетворение, поручик заорал что-то нечленораздельное и изо всех сил крутанул рукоять индуктора, поднимая на воздух и себя, и немца, и бункер, и всех, кто находился поблизости...

* * *

Огромный, разлапистый куст разрыва возник над лесом. Во все стороны полетели обломки, и там, где они падали, вспыхивали радужные фонтаны. Потом лес пропал, а вместо него откуда-то выплыл самолет и закружился на месте, превращаясь в патефонную пластинку, в центре которой улыбался поручик Мышлаевский...

Пан Казимир хотел ему что-то сказать, но все слова куда-то подевались, майор замычал, замахал руками и... проснулся. Надо было попытаться заснуть снова, но сон не шел, с пугающей настойчивостью его гнали ночные видения, снова и снова воскрешавшие в памяти пана Казимира тот день...

Потянув на подбородок пальто, лежавший на тахте пан Казимир огляделся. Вчера ночью, забравшись сюда, в квартиру Лидии, как в свое последнее прибежище, майор ничего не рассмотрел в темноте и сейчас пытался представить, что тут происходило.

Все вещи вроде были на месте, но какой же был кругом беспорядок! Ах, если бы еще знать, почему тут пусто... Щемящая тоска подступила к горлу, майор откинулся на заголовник тахты и уставился в потолок. Давно наступило утро, но пан Казимир не шевелился. Ему некуда было идти и незачем спешить...

Неизвестно, как долго бы так продолжалось, если б внезапно не послышался странно-знакомый шелчок. Он показался невероятным, и в первую секунду майор решил, что ему помешалось. Но звук повторился, и сомнения отпали. Кто-то открывал ключом дверь.

Затем донеслось легкое постукивание каблучков, и в комнату вошла женщина. Увидев пана Казимира, она встала как вкопанная, тихо ахнула и привалилась спиной к косяку, во все глаза глядя на исхудавшего, заросшего мужчину, который нелепо замотал головой, а потом вскочил и кинулся ей навстречу.

А когда он схватил ее за плечи и непонятно почему начал трясти, она вдруг всхлипнула, охватила руками его шею и, прижавшись к нему всем телом, зашлась от беззвучных рыданий. И долго еще не могла успокоиться, хотя майор дрожащими руками гладил ее волосы и повторял:

– Лидочка, не надо плакать! Лидочка, не надо плакать...

Квартира оказалась не такой уж разгромленной. Во всяком случае, после получасовой возни пришедшей в себя Лидии, колонка уже поглощала остатки дров, а пан Казимир блаженно шурился, сидя в ванной.

Спустя еще час в спальне с занавешенным на всякий случай окном, уютно горели свечи, а сам пан Казимир, вымытый и убаглованный, лежал на спине и улыбался, будучи не в силах поверить в столь удивительное стечение обстоятельств.

Сейчас майор слышал ровное дыхание прильнувшей к нему женщины. Теплые огоньки высвечивали матовую кожу ее колена, погружая остальную часть комнаты в мягкий сумрак. Давая выход нахлынувшему на него чувству, пан Казимир повернулся к Лидии и зарылся лицом в ее разметавшие по подушке волосы...

Майору казалось, что они пахнут солнцем, и он с наслаждением впитывал этот дурманящий его аромат. Лидия мягко закинула руку ему на затылок и начала осторожно гладить.

– Казю, милый... Я все знаю...

– Что ты знаешь? – одними губами шепнул майор и приподнялся.

Блаженная отрешенность враз исчезла, и тяжкая действительность, существовавшая там, за тоненькой шторой, снова заняла свое место.

– Они за тобой охотятся?

– Само собой, – буднично согласился пан Казимир.

После взрыва, напрочь снесшего всю базу, они даже не пытались что-то сделать, просто ушли, чтобы спрятаться, кто где сможет. И за последний месяц майор так свыкся со своим положением, что состояние полной защищенности казалось ему нереальным.

Лидия порывисто встала, полы халатика взметнулись над кроватью, и огоньки свечей дрогнули.

– Ты понимаешь, Казю, это ужасно, но с той самой минуты, как они пришли, я перестала чувствовать себя человеком. Мы от обстрела в подвале прятались, и первый немец, которого я увидела, был такой рыжий здоровенный солдат. Он ворвался к нам, рукава закатаны. Тычет в нас автоматом и кричит: «Юде есть?!» И это так страшно, так страшно, ведь так просто, возьмет и убьет...

Чувствуя, что ее начинает колотить дрожь, майор тоже встал и погладил Лидию по плечу.

– Ну, успокойся, успокойся, это война...

– А когда я пришла домой, вот сюда... – она схватила его за ладонь, и майор почувствовал, как спина Лидии передернулась, – двое таких же рыжих стоят как у себя дома и ломают у шкафа дверь...

– Ну и ты что? – рука у пана Казимира разом отяжелела.

– Ну что, что? Бросила все и к своим, в Голобов. А там от предместья до центрального въезда повешенные на столбах... Говорят, несчастных хватали даже в церкви и вешали.

Лидия снова зашлась в рыданиях, и пан Казимир поспешил отвлечь ее:

– Ты и сейчас оттуда?

– Да... Ты знаешь, я как будто почувствовала, что ты здесь. Это же для меня счастье!

Лидия обняла пана Казимира, и он, уловив, как сменились ее интонации, деловито спросил:

– И что мы будем делать? Ты как, кабинет открывать думаешь?

– Собираюсь... На Колеевой. Там же окраина... Селян много...

– Ясно, натурообмен... – Пан Казимир вздохнул. – Но ведь жить с тобой ни здесь, ни на Колеевой я не смогу, опасно. Меня узнать могут.

– А я знаю, я знаю, что делать! – забыв о халате, Лидия бросилась к трюмо и начала лихорадочно рыться в его миниатюрных ящичках.

Некоторое время пан Казимир заинтересованно следил за ней, потом взял свечу и подошел ближе.

– Ну вот, слава богу. Нашла...

Лидия повернулась, и майор увидел, как она протирает пальцами стекла большого, старомодного пенсне.

– Лидуся, ну что за чепуха... – усмехнулся пан Казимир.

– Нет, нет, обязательно примерь! Эти очки еще отец заказывал, специально для солидности, а потом мне подарил на счастье... Как амулет.

– Ну, если ты так настаиваешь... – майор взял пенсне.

– Еще можно отрастить усы и бороду.

– И ты будешь любить такого старого?

– Конечно!

Снисходительно улыбнувшись, пан Казимир нацепил дужку на переносицу и заглянул в зеркало. К его удивлению, лицо действительно выглядело несколько странно. Майор снял очки, проверил пальцами изгиб линзы, потом снова надел и, перестав улыбаться, начал пристально вглядываться в свое отражение...

* * *

Каждый раз, когда Ицеку приходилось идти рядом с тротуаром по избитой мостовой какой-либо из боковых улиц, у него перед глазами начинали плясать большие черные буквы Линднеровского объявления. Этот категорический приказ Окружного комиссара висел в конце каждой улицы ведущей из «Шанхая» в город.

Цепь Ицекowych злключений, начавшаяся на хуторском мосту, вовсе не закончилась прыжком с Меланюковой подводы. Сначала он прятался от мобилизационного предписания, требовавшего явки на сборный пункт всех молодых евреев в возрасте от 19 до 25 лет. Потом мучительно подыскивал, чем бы заняться, и в конце концов оказался в еврейском гетто.

Отсюда его и десятки таких же париев по разнарядке «Юденрата⁴» гоняли на самые черные работы. К этому Ицек относился, в общем-то, спокойно, а вот распоряжение комиссара Линднера, запрещающее евреям выходить за пределы гетто без соответствующего свидетель-

⁴ «Юденрат» – еврейское самоуправление.

ства, его почему-то просто бесило. Да и сам выход разрешался в течение трех часовых отрезков в день, при условии прохода только в колоннах по мостовым, без права выхода на центральные улицы.

Вся злость Ицека сконцентрировалась именно на этих ограничениях, и даже мордатые парни из «Макаби»⁵, поступившие в юденратовскую службу порядка и ревностно следившие за исполнением немецких приказов, казались ему гораздо меньшим злом. Скорей всего, привычно глядя со своей классовой позиции, на этих новоявленных «гашомер гацаир»⁶, он не принимал их всерьез.

Под невеселые Ицековы размышления еврейская рабочая колонна, возвращавшаяся со скотобойни, миновав Згарисько, свернула в сторону гетто. Этот район предместья бомбили меньше, и за голыми деревьями посадок виднелись дома с потрескавшимися стенами и обвалившейся штукатуркой.

В одном месте халупа, вероятно, от прямого попадания, обрушилась, и деревянные стропила косо уперлись в землю. Люк в жестяной крыше уцелевшей пристройки был открыт, и казалось, чья-то душа вылетела через него прямо к мглистому небу.

Улица как будто вымерла, и только топот людей, спешивших к урочному часу вернуться в гетто, отдавался среди развалин. Ицек не мог смотреть на эти остатки жилья и шел, опустив голову. Его солдатские ботинки тяжело гупали по булыжнику. Под вечер холод пробирал сквозь ветхую одежку, и Ицек, чтоб ноги не мерзли, каждый раз обматывал ступни очередным номером «Газеты жидовской».

Наконец колонна по узкой кладке перешла Старицу и, вступив на территорию гетто, стала медленно рассыпаться. Краем глаза Ицек заметил на кирпичной стене белый прямоугольник ненавистного Линднеровского приказа и, выругавшись, тут же перескочил с булыжника мостовой на плиточки тротуара.

От прыжка спрятанные в карманах сырые картофелины мотнулись и ободряюще стукнули его по боку. С едой в гетто было плохо, но сегодня Ицеку повезло. Перед построением в колонну он успел заскочить в чей-то брошенный огород и там, между бороздами, нашел пару жухлых, но невыкопанных из земли, плетей ботвы.

Предвкушая сытный ужин из печеной картошки, Ицек не спеша прошел весь квартал и, обойдя разоренный пустырь, спустился на самый берег Старицы. Вскоре нашлось и подходящее местечко. Рыжая глинистая водомоина могла надежно укрыть и костер, и его самого от посторонних глаз.

Весело посвистывая, Ицек пробежался по пустырю и мигом набрал кучу бумажных обрывков, каких-то сучьев и сыроватых, трощеных, но вполне пригодных для костра досок. Наскоро рассортировав эти запасы, Ицек вздул огонь и начал терпеливо подкармливать разгорающееся пламя.

Через какое-то время костерок окутался мягким дымком и начал уютно потрескивать, излучая тепло. Ицек подождал, пока пламя окрепло, и осторожно сдвинул костер в сторону. Оставшиеся на земле недогоревшие щепки тут же подернулись сереньким пеплом.

Заранее глотая слюну, Ицек достал одну картофелину, тщательно вытер ее и осторожно пристроил на щепочки с краю костра. Желтая картофельная кожура со стороны огня тотчас начала пузыриться и темнеть. Старательно поворачивая картофелину острой палочкой, Ицек дождался, пока она потемнела со всех сторон, и поспешно выхватил обугленный катышек из костра.

⁵ «Макаби» – еврейское спортивное общество.

⁶ Гашомер гацаир – еврейское «Юный страж».

Обжигая пальцы, Ицек принялся чистить обгорелую кожуру, и тут ему в ноздри ударил одуряющий запах печеной картошки. Жадно пообкусав горячие краешки, он надел еще не пропекшуюся сердцевину на палочку и опять протянул к огню.

Ицек так увлекся, что поднял голову, только услышав окрик.

– Эй ты, а ну прикрывай свой кюхен!

Ицек вздрогнул и тут же выругался про себя... Совсем рядом, шагах в пяти от него стояли двое юденратовских полицейантов. Может, они просто шли вдоль реки, а может, и заметили ответ костра, но в любом случае их наглость взбесила Ицека, и он окрысился:

– А что и это нельзя?

– Ну ты, мамзер... – один из полицеев, повыше и помордастее, презрительно скривился. – Тебе сказали: туши костер и топай в локаль...

Это значило, что собирают всех жителей гетто, и, проглотив обиду, Ицек спросил:

– А зачем?

– Придешь, узнаешь...

Поняв, что на этот раз не отвертеться, Ицек поспешно, под наблюдением настырных полицейантов, загасил костер и сунув картофелину обратно в карман, заторопился в локаль.

* * *

Локаль, как теперь на немецкий манер называли единственный в гетто небольшой зал, размещался в двухэтажном доме рядом с синагогой.

Кляня почему зря полицейантов, не давших испечь картошку, Ицек через проход между домами, вышел на улицу. Здесь уже были прохожие, так же, как и Ицек, спешившие к темному зданию локаля, торчавшему над одноэтажными домишками гетто.

Перед самой синагогой Ицеку повстречалась кучка людей, торопливо идущая навстречу. Впереди важно шествовал немец, облаченный в форму «Цивильфервальтунг»⁷, а за ним гурьбой торопились человек десять весьма состоятельных евреев.

Они поочередно забегали вперед и о чем-то подобострастно спрашивали. Чиновник коротко отвечал, каждый раз резко отмахиваясь, и тогда на его рукаве читалась надпись «рейхсбеамтер»⁸. Это настолько поразило Ицека, что он застыл на тротуаре, пока странная процессия не свернула за угол.

Теперь, связав воедино полицейских и немца, он заторопился, но все равно, к его приходу локаль был забит до отказа. С трудом протиснувшись в дверь, Ицек поверх голов мог видеть только аляповато раскрашенные верхушки ложных полуколонн, деливших низковатый зал на ритмичные полосы.

Ицек приподнялся на носки и увидел члена юденрата Шамеса. Взгромоздившись на какие-то подмостки, достопочтенный ребе вытирал свой узкий, сплюснутый с висков лоб цветастым платком. Но вот платок исчез, и Шамес до невозможности задрал вверх острый подбородок, выкрикнул:

– Германские власти ждут от нас, евреев, подлинного понимания всех сложностей настоящего момента. Поэтому юденрат решил, что наша община немедленно внесет тот символический шекель, который служит всего лишь показателем нашей с вами лояльности!

Что касается пресловутого шекеля, о котором заговорил ребе, то все набившиеся в зал понимали: речь идет только о золоте. Вокруг Ицека сразу возник встревоженный шепот:

– Это контрибуция...

– Большая...

⁷ «Цивильфервальтунг» – гражданское управление немецкой администрации.

⁸ Рейхсбеамтер – имперский немецкий чиновник.

- Юденрат ходатайствовал о снижении...
- Ну да, вы же видели. Они просто бежали...
- Может, понизят?..
- Никогда, придется платить...

От этих испуганных реплик жаркая волна ударила Ицeku в голову, перед глазами закрутились черные буквы оскорбительного приказа, нахальные морды полициантов, оставшаяся сырой картошка и, уже не помня себя от злости, он громко, на весь зал выкрикнул:

- Ты шекель хочешь?! А где его брать, этот шекель?

Локаль испуганно замер. Ребе Шамес еще выше поднял печальное лицо, его тонкие губы тронула грустная улыбка, и трагическим, в наступившей тишине долетевшим во все уголки шепотом, он произнес:

- Евреи, вы слышите, что кричит вам этот глупый ам-гаарец?⁹..

Вокруг Ицeka сразу образовалась пустота, и вместо взлохмаченных затылков он увидел множество обращенных к нему глаз. Может, секундой позже благоразумие и взяло бы верх, но сейчас Ицeku было не до последствий, и он исступленно выкрикнул прямо в чье-то пейсатое, библейски-скорбное лицо:

- Откупиться думаете? А зуски, драться надо!..
- Пейсатый шарахнулся как от удара и дико взвизгнул:
- Мишигене!¹⁰

Все завопили, и что произошло дальше, Ицек не понял. Кто-то треснул его по голове так, что пейсатое лицо подпрыгнуло, цветастые колонны сдвинулись, и все завертелось у него перед глазами...

Когда Ицек снова пришел в себя, локаля он не увидел. В голове было муторно, в нос бил запах скисшей селедки, сгустившийся вокруг сумрак не давал оглядеться, и, непонятно почему, сильно жгло темя. Единственным, что Ицек хорошо различал, была свеча, оплывавшая в дутом подсвечнике, поставленном на деревянный бочонок. Какой-то человек неподвижно сидел рядом, но кто это, понять было невозможно – на свету прорисовывался только силуэт.

Ицек слабо пошевелился, и человек у бочонка, сразу встрепенувшись, обрадованно спросил:

- Ну что, живой?
- Вроде... – Ицек попробовал повернуть голову. – А что со мной было?
- Что, что... Били тебя всем скопом, вот что.
- А-а-а, вспомнил... А вы, кто?
- Я? Я Мендель...

Человек потянулся к свече, и Ицек смог рассмотреть его худое продолговатое лицо, чем-то неуловимо отличавшееся от других, казавшихся такими одинаковыми, лиц гетто. Наверное, все зависело от живых темных глаз, в которых сейчас отсвечивались мягкие огоньки.

- Там говорили, ты комсомолец? Это правда?

Мендель снял нагар со свечи и растер его пальцами.

- Правда! – Ицек резко вскинулся. – Это что, тюрьма?

Только сейчас до него дошло, что с ним случилось. Похоже, он не только избит, но и арестован. Наверно, хозяин закутка понял его состояние, потому что тут же замахал руками:

– Да уймись ты! Вот уж цидрейтер¹¹... – Мендель неожиданно рассмеялся. – У меня ты. Я тебя из локаля к себе переташил.

⁹ Ам-гаарец – неуч (*еврейское*).

¹⁰ Мишигене – сумасшедший (*еврейское*).

¹¹ Цидрейтер – ненормальный (*еврейское*).

– Зачем? – Ицек попробовал оглядеть каморку. – Я на Караимской, в подвале у Давидзона живу...

– Вот-вот, в подвале... А что ты там забыл? Оставайся лучше у меня, ты – сам, я – сам, и характеры сходятся. Э, да ты, видать, с голодудохнешь...

Мендель куда-то полез, и вдруг Ицек уловил умопомрачительный запах свиного сала. Уже через минуту, торопливо глотая слюны и давясь от жадности, он поедая невероятно вкусный бутерброд со смальцем. Дождавшись, пока Ицек с ним расправится, Мендель спросил:

– Ну что, остаешься? Я тебе про себя расскажу, как в Одессе-маме жил... Ты слышал про Одессу?

– Чего зря говорить? – Ицек проглотил последние крошки. – Мне этот локаль теперь не простят!

– А вот это я на себя беру...

Мендель поднялся с бочонка, выпрямился во весь рост, и огонек свечи резко качнулся в сторону...

* * *

Постолы из сыромятной кожи были очень удобны. Малевич, томясь от безделья, сшил их сам и теперь, поставив ногу на ступеньку, с удовольствием рассматривал свое изделие. К тому же обувка напомнила ему молодость, прошедшую в белорусской веске¹².

Оглядев со всех сторон обувку и весело попрыгав, Малевич поднялся наверх и вошел в комнату Лечицкого. Сам полковник, облаченный в атласный халат со стегаными отворотами, сидя у камина, что-то читал. Увидев Малевича, он опустил книгу и спросил:

– Ну что, комиссар, решил уйти? Боишься-таки?

– Боюсь, – Малевич кивнул. – Не верю я, что за одно знакомство немцы целую усадьбу отвалят... Не та публика! Так что, сами понимаете...

– Понимаю, понимаю, но только ведь и не каждого после тюрьмы да заграницы на батальонного комиссара аттестуют...

В комнате повисла напряженная тишина, и, чтобы ее разрядить, Лечицкий с каким-то безразличием поинтересовался:

– Да, комиссар, хочу знать, ты и сейчас убежден, что ваш строй самый лучший?

– Хватит ерунды... – Малевич качнулся к двери.

– Жаль... – Лечицкий вздохнул. – Хотелось поговорить с тобой кой о чем. Специально ждал, пока выздоровеешь, да ты я вижу, как волк матерый, все в лес смотришь...

– За то что сделали для меня, поклон низкий... Вот только, не взыщите, платить мне нечем.

– Платить не мне будешь, России! – Глаза Лечицкого под стеклышками пенсне строго блеснули. – Надеюсь, воевать идешь?

– Да, воевать!

– А куда?

Не спуская глаз с полковника, Малевич упорно молчал.

– Так... Ты, может, думаешь, бывший дворянин Лечицкий Россию за старый дом продал, а? Дурак ты дурак, унтер! Сказал бы я тебе, да время не то... Немцы Ростов взяли, на Москву идут.

– Не может быть...

– Может... Отступают твои «красные маршалы». Позорно отступают! Вот только почему, а? Может, ты комиссар, знаешь?

¹² Веска – деревня (белорусское).

– Не знаю... – Малевич сжал зубы. – Я одно знаю: драться надо!

– Да, в этом ты прав... – Лечицкий встал, подошел к окну, постоял, глядя на как бы подернутое дымкой озеро, и повернулся к Малевичу. – У меня ж вещи твои, комиссар, чтоб не забыть...

Полковник наклонился к ящику шкафа и вытащил сверток.

– Вот возьми. Тут пистолет, документы, часы. Форму брать пока не советую. Пусть у меня полежит... Сапоги, конечно, отличные, но я б на твоём месте их не обувал, попадешься сразу.

– Да, в постолах лучше, – Малевич развернул сверток и усмехнулся: – А за сапогами я потом зайду.

– Значит, тут решил оставаться?

– Не знаю... Я людям из obsługi вашей сказал, что на белорусскую сторону переберусь. Родных проведать.

– Ладно, я понял. Ступай, как говорится, с богом... Если надумаешь, или нужда будет какая, заходи, помогу...

Лечицкий как-то сник, опустил в кресло и взял книгу. Уже закрывая дверь, Малевич видел, что полковник смотрит в одну точку, задумчиво поглаживая пальцами корешок...

Усадьба давно скрылась из виду, тропинка петляла лесом, а Лечицкий так и не шел из головы у Малевича. Только сейчас, когда подспудный страх ежеминутного ареста наконец отступил, он четко осознал: немецкой указки в поступке «герра барона» не было...

Петро ждал Малевича сразу за болотом. Тропинка выводила к заросшей лесной просеке, и там Малевич сначала услышал легкое позванивание сбруи, а потом заприметил спрятанную в кустах бестарку¹³, на сиденье которой дремал Меланюк. Малевич тихонько свистнул, Петро встrepенулся и выскочил из бестарки.

– Товаришу Малевич!

– Ну, здравствуй, Петро... – Малевич обнял Меланюка. – Давно ждешь?

– Та десь з годыну... Краще скажыць як там з тым герром бароном, усе гаразд?

– Да порядок, порядок, разошлись по-хорошему. Ох, и штучка этот мой полковник Лечицкий! – Малевич засмеялся и влез в бестарку. – Поехали.

Петро с готовностью заскочил на сиденье и тряхнул вожжами.

– Вы знаете, товаришу комиссар, дывивсь я зи свого боку на того Лечицкого. Воно таке цабе што може з нього шось й буде, га?

– Ну, то еще смотреть надо и таки добре смотреть... – Малевич устроился поудобнее и нетерпеливо спросил: – Ну, как оно там?

Петро вывел коней на просеку и, только когда колеса бестарки запрыгали по корневищам, ответил:

– Неважно, товаришу Малевич... Немцы город на особый режим перевели, – Меланюк прикрикнул на лошадей, и они побежали шибче. – В них там штабы стоять, газеты друкують, управлиння всяляки. А всих наших, хто хучь яку-небудзь посаду мав, у банковський подвал покидали.

– Так, в город, значит, нельзя...

– У село поки што теж не можна. Оунивськи бандюки усих до «чорных спискив» позано-сили...

Малевич долго молчал, обдумывая услышанное, и только когда повозка свернула с просеки на слабо накатанную колею, спросил:

– Ну и куда же ты меня теперь везешь?

Меланюк подогнал лошадей и только потом обстоятельно ответил:

¹³ Бестарка – селянская повозка (волинское).

– Я, товарищу комиссар, так подумав. Тут, у лиси, багато наших ховається, и я вам теж схованку приготував. Я так розумию, треба вам усих тих, що ховаються, до купы зібраты...

Петро помолчал и, тряхнув вожжами, добавил:

– В полиции я списки на тих людей узяв, кого полиция пидозрює, що допомагають им, теж. А ще провианту взяв, карту с лесничества, та тут под сеном в мене драгунка е... Що ж до документив, то зробив я вам довідку таємного поліціанта, на той випадок якщо на поліцейів десть наскочите. Ось, поки що все що змиг...

– Неплохо! – Малевич подумал. – Ну-ка дай мне список...

Петро вытащил из кармана сложенный вчетверо листок, и Малевич прямо на ходу, держась одной рукой за борт бестарки, развернул бумагу...

* * *

Служба кончалась, и по всему собору плыл сладко-голубой дымок ладана. Теплились свечи, крестились прихожане, гудел голос священника. Стоя на видном месте, Пилюк исподтишка поглядывал, заметили ли его другие. Удостоверившись, что на него обратили должное внимание, по окончании службы, не дожидаясь толкотни, одним из первых пошел к дверям храма.

Важно продефилировав улицей, Пилюк свернул за угол к раскидистому одноэтажному дому, где по адресу «Півнична, 14» размещалась редакция газеты «Голос України».

Полицай, дежуривший у входа, при виде «пана референта» с готовностью вытянулся, и полный собственного достоинства Пилюк прошел прямо в кабинет главного редактора.

Редактор был у себя. Пилюк еще не закрыл дверь, как хозяин приподнялся над стулом и приветственно помахал ручкой.

– Мое шанування, пане радник! Цо, пан принис свий роман?..

Пилюк знал редактора еще по Кракову, они даже были приятелями, но сейчас ему было не до шуток, и он сразу перешел к делу:

– Пане магістр, я тут де с ким бесиду мав. Хлопци кажут, наши sprawy погани. Агитация ниякого толку не дає, схидняки на нас як на ворогив дивляться, а тут ще й з нимцями непорозуминня всияки...

– Непорозуминня не те слово... – редактор насупился. – И ты що, бажаєш, щоб я це надрукував?¹⁴

– Я з ним мову про видродження веду, а вин... – рассердился Пилюк.

– Ну, якщо так... Ты в «Українських щоденних вістях» статтю «Что мы находим на Востоке», читав? – Редактор повернулся и ловко выхватил из лежавшей на столике кипы газету. – Ось послушай: «Украинство откинуто на сто лет назад. Возрождение придет только от селянства, так как другие прослойки слишком слабы, чтобы возглавить регенерацию...»

¹⁴ Надрукувать – напечатать (украинское).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.